

ЮЛИЯ
АНДРЕЕВА

Юлия Андреева
Потерянный когай
Серия «Геймер», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4241855

Аннотация

Мир, в котором человеческая жизнь ничего не значит, и потому счет идет на сотни и тысячи. Где иногда не успеваешь родиться, как тебя уже разорвали на клочки. Мир, где дети в качестве тренировки учатся отсекают головы. А сюзерен решает, с кем его приближенным жить и кого убивать.

Где светлые волосы и голубые глаза – метка сатаны, и невозможно спрятаться, смешаться с толпой, прикинуться ветошью.

Какой нормальный человек мог возжелать оказаться в этом ужасном, опасном и безысходном мире? – Только тот, кто явился не за чужими землями и почестями, а единственно, чтобы поиграть и выиграть! Только настоящий ИГРОК.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	43
Глава 13	47
Глава 14	50
Глава 15	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юлия Андреева

Геймер 1

Потерянный когай

Вся жизнь – игра

Глава 1

Геймер – игра началась

Подлинный самурай не думает о победе и поражении. Он бесстрашно бросается навстречу неизбежной смерти. Если ты поступишь так же, ты проснешься ото сна.

Ямамото Цунетомо

Голова последнего врага покатилась по полу, оставляя за собой кровавый след.

Ал поднял меч в ожидании нападения, но вместо этого черные стены пещеры распахнулись, открыв перед героем сияющую Лестницу Победы. Молниеносный скачок мыши – и Ал оказался наверху. Сердце бешено стучало, в висках, стянутых шлемом, пульсировала кровь.

Автоматически Ал отбил рукоятью меча вылетевшую на него из темноты бокового коридора летучую мышь, поздно соображая, что нетопырь мог нести в своих лапах ключ от какого-нибудь ценного сундука или сообщить ценную информацию. Хотя, скорее всего, это была обыкновенная штатная гадость, каких в этой игре находилось с избытком.

Одним прыжком он достиг крыши, все еще не веря в победу и держа меч наизготовку.

Прогремел гром, и черные небеса окрасились вдруг розовыми неонами победы. Ал постоял какое-то время, слушая фанфары славы, после чего снял с головы шлем, мгновенно оказавшись в своей крошечной комнате.

Ал посмотрел на монитор, в котором скукожилась спасенная им вселенная, и устало плюхнулся на прокуренный диван, откинувшись на подушки.

Он понятия не имел, сколько времени провел за компьютером, день сейчас или ночь. Через плотно забитое щитами окно не просачивался свет и не проходили звуки. Окружающий мир был отставлен на подобающее его рангу расстояние. Вселенная, которую не было необходимости спасать от монстров и пришельцев, не предъявляла на Александра свои права. Может быть, она просто не знала о его существовании, или, наоборот, знала и нуждалась в нем, но по какой-то нелепой причине скромно дожидалась своей очереди в приемной супергероя, оттесненная более срочными делами.

Ал попытался расслабиться и блаженно уснуть, как это бывало прежде. Воин-победитель вернулся домой с блестящей победой... и... Что-то не давало расслабиться и перестать думать.

Что-то... да не что-то, а настоящая проблема и форменное несчастье. Победа была началом поражения и конца. Победа с привкусом горечи и разочарования.

Он был лучшим, без сомнения, непревзойденным мастером, который достиг своего апогея, зенита славы. Но игра, которую только что в пятый раз выиграл Ал, была контрабандно скачанной хакером Виртом разработкой японцев, которая была еще недоделана и должна была поступить на рынок не раньше чем через три года.

Ал обогнал будущее и был не в восторге от этого.

«Что теперь делать? Опять играть в старье, дожидаясь, когда другие фирмы выкинут на рынок что-нибудь стоящее? Опять же – сколько ждать?»

Победа была поражением и смертью.

Лучший в истории воин стоит с обнаженным мечом на горе из трупов. И никого. Один в поле не воин. Остается сделать харакири, последовав за своими друзьями, и особенно врагами, в ад, где можно будет продолжить вечную битву. Черт возьми – новый уровень! Суперигра!

Ал усмехнулся. На самом деле был еще путь – научиться самому создавать игры. Была и идея – да что там идея – настоящая мечта. Игра по книге Джеймса Клавелла «Сегун».

Закрытая на тысячу замков, отделенная от остального мира секретным Магеллановым проливом Япония. Начало XVII века, и полувоенный корабль «Эразм» из Роттердама с командой и талантливым и пронырливым кормчим Джоном Блэкторном.

С одной стороны, подозрительные, но любопытные, как дети, японцы, с их традициями и церемониями. С другой – испанские и португальские иезуиты, организовавшие невиданную до этого по своим масштабам и выгоде торговлю с Японией и получившие право на распространение католической религии.

В этой схватке кормчий действовал, как настоящий, оказавшийся в игре геймер, но при этом нередко его действия были грубы и глупы. Сколько раз он был на волосок от гибели. Не хватало элементарных знаний о стране, людях и обычаях. Кормчий не имел представления о подводных рифах и отмелях японского характера, стараясь использовать все свои знания человеческой природы с единственной целью – выжить.

Идею игры Ал разрабатывал со своим приятелем корейцем Кимом, преподававшим боевые искусства в каком-то богом забытом спортивном клубе.

Алекс прочел «Сёгуна» раз десять, изучая мельчайшие ходы и незаметные ступени этого нового для него лабиринта. Джон Блэкторн был авантюристом, желавшим стать первым в истории голландским кормчим, добравшимся до Японии. Откуда он рассчитывал, собрав валяющееся под ногами золото (согласно легендам того времени, Япония ассоциировалась с Эльдorado – страной золота), с честью, славой и немалыми барышами вернуться домой.

Алекс мечтал об этой игре. Оказавшись на месте Джона Блэкторна, он, без сомнения, ни на секунду не забыл, что это игра, и выиграл.

Джон Блэкторн не знал языка, Ал достаточно сносно говорил на японском. Правда, кормчий хорошо знал свое дело, и здесь Ал был слабее впервые севшего за комп юзера. Но зато Ал вместе с Кимом давно занимались дзюдо и оба владели техникой боя на самурайских мечах. Ал, по словам учителя, достиг уровня, которого редко добивается европеец. Традиционно в восточных единоборствах лучшими спортсменами считались азиаты. А значит, подобное утверждение сенсея чего-то да стоило.

Искусство владения самурайским мечом принесло ему победу на устроенной под Москвой игре по новому роману Эрика Морвилла о рыцарях Круглого стола.

Ал поднял глаза – напротив него, на стене, висел плакат, сделанный с той игры три года назад. На нем, одетый в кольчугу и кожаные латы с длинными золотыми волосами и голубыми глазами, стоял он сам. Роль короля Артура шла ему, как никому другому. «Ал был необычным, невероятным королем, – как писали о нем в бумажной прессе и Интернете. – Во время решающего поединка с Черным Лордом он применил технику владения самурайским мечом, принеся своему войску долгожданную победу».

Правда, вместе с Алом на роль легендарного короля пробовался и Ким, но ему отказали. Где это видано, чтобы английского короля играл кореец? Любой другой на месте Кима

отступил бы и не позорился, но тот лез на рожон. И, в конце концов, даже поссорился с Алом из-за короля Артура. А потом так и вовсе исчез в неизвестном направлении.

Потом Ал исполнил другую свою мечту – отправился в Японию с целью совершенствования языка и посещения могилы своего героя – легендарного кормчего Уильяма Адамса, послужившего прототипом Джона Блэкторна в романе «Сёгун». Путешествие было организовано японским обществом. Разумеется, еще в России Ал выяснил настоящее имя своего любимого персонажа, но называл его, как это и было написано в романе – Блэкторн. В этом имени ему чудились две составляющие: Блэк – черный, и Тор – скандинавский бог, друг и соратник Одина. Конечно, расскажи он о своих домыслах знакомым, они, без сомнения, подняли бы Ала на смех. Но сам Ал любил Черного Тора Блэкторна, который от этого, пусть придуманного, родства с богом делался еще значительнее и привлекательнее.

Джон Блэкторн, или *Андзин-сан*¹, как его называли японцы, был похоронен на Миуре, недалеко от прославленной своими самураями Камакуре.

Ал постоял над могилой в окружении сопровождающих его японцев.

– Вы знаете, Андзин-сан – это особая фигура в истории Японии, – затараторил на достаточно хорошем русском маленький очкастый япошка, достающий Александру до локтя. – Японцы рюбят Андзин-сан. Эта могира – местная достопримечательность, о ней говорится в туристическом проспекте. – Как и почти что все японцы, очкарик не выговаривал «л», буквы, которой никогда не было в их алфавите.

– Гранит покой хранит, – улыбнулся Ал, ища глазами приглянувшуюся переводчицу, с которой рассчитывал пообедать после экскурсии.

– Интересная штука история. Борьшинство, например, считают Андзин-сан светлоросым и высоким европейцем. Тем не менее я могу доказать, что это не совсем так. Священник – отец Себастья, – он говорил на японский манер – Себастья, а не Себастьян, – который повстречал команду горрандского судна одним из первых, дар детарьное описание каждого чрена команды, приротив к нему портреты. Все это он отправил своему церковному начарьству в Осака. Он считар, что господин Адамс-сан и его рюди – пираты, неоднократно нападавшие на прибрежные деревеньки и убивавшие рыбаков. Господин Себастья надеяря, что рисунки помогут опознать их и вынести приговор.

– Каким же он, по-вашему, был? – Ал нахмурился. Он привык верить роману как непреложной истине, и вдруг кто-то посмел усомниться, да еще и в таком важном деле, как внешность главного героя.

– Он был среднего, для европейца того времени, роста. – Японец вытащил из кармана пиджака электронную записную книжку: – Четыре фута восемьдесят четыре дюйма – один метр шестьдесят сантиметров на наш современный расчет, с черными воросами и карими глазами. В то время как господин Краверр пишет... – Он снова посмотрел в электронный блокнот.

Но Ал опередил его:

– Высокий, выше всех в его команде. По нашим расчетам, один метр восемьдесят сантиметров, с золотыми волосами и голубыми, точно у сиамской кошки, глазами.

– Грара были темными и воросы тоже. Себастья-сан подробно описар всех чренов команды, – поклонился японец.

– «Этот человек высокий, с золотистыми волосами и бородой, с голубыми глазами и непонятной бледностью кожи, особенно там, где она была прикрыта одеждой, и краснотой там, где на нее светило солнце...» Это слова старосты Андзиро – Муры, – начал цитировать Ал. – «Я считал, что все люди черноволосые и с темными глазами. Китайцы такие, я видел китайцев. А разве китайцы – не весь мир? Почему отец Себастья так ненавидит этих

¹ *Андзин-сан* – кормчий (яп.).

людей? Потому что они поклонники сатаны? Так голубые глаза и золотистые волосы – метка сатаны?»

– Темные. Извините. Так пишет Себастьян-сан – черовек, привыкший дерать подробнейшие отчеты. Я не думаю, что кто-нибудь стар бы держать его на месте осведомителя, имей он обыкновение искажать факты. Ошибся писатель. – Японец снова низко поклонился Алу, зрительно сделавшись при этом еще меньше. – Кроме того, Андзин-сан был сутурым, страдающим подагрой черовеком. Удивительно, как он мог держать в руках *катану*², когда стар самураем?

– Держал, и еще как! – Ал чувствовал, что теряет терпение. – Конечно, свидетельство остается свидетельством, но отец Себастьян мог и не разобраться в пиратах, их же было двенадцать вместе с Джоном Блэкторном.

– Тринадцать. Я проверяю в гравном архиве Осаки. На самом деле пиратов было тринадцать. Но тут уж виноват не писатель-сан, а сами инквизиторы, которые, по одной версии, считари, что число тринадцать – несчастливое число. А по другой, вся команда воспринималась ими как нечто единое, но выбивался один черовек, который сразу же был назван отцом Себастьян опасным и которого тут же выдерири и взяли под свое покровительство японцы.

– Понятно. Значит, вы хотите сказать, что отец Себастьян в своем доносе написал, что на корабле было двенадцать человек команды и стоящий над ними кормчий. Грубо говоря, матросня отдельно, начальство отдельно. Спасибо за ценные сведения.

Ал церемонно поклонился, и японец ответил тем же.

На самом деле внутри Ала все переворачивалось от столь несвоевременных комментариев, хотя вполне возможно, что японец был прав. Ал ведь в основном руководствовался книгой, а дотошный очкарик просиживал в архивах.

Хотя это по большому счету ничего не меняло: выдумка – та же реальность, если в нее поверишь всем существом. И нельзя же так, в самом деле, лезть со своими грязными инквизиторскими письмами на драгоценные страницы книги!

Реальность далекого прошлого не пользовалась у Александра заслуженным уважением, хотя он изучал одежду и обычаи древней Японии, мог порассказать о кодексе чести *бусидо* и славных походах.

Но больше всего его занимал сам роман. Так, он знал все входы и выходы из деревни, куда судьбе было угодно забросить команду «Эразма», а точнее, как это описывал Джеймс Клавелл.

Ал даже нарисовал карту деревни, нанеся на нее пристань с рыбацкими лодками и расположенную серпом к бухте деревню со всеми ее домами и рисовыми полями.

Разработал рисунки боев, создал несколько сценарных ходов. Все это он вот уже четыре года предлагал в фирмы, изготавливающие компьютерные игры, но так ничего и не добился. Не удалось организовать и игру по «Сегуну». Игровики хоть и признавали задумку интересной, но уж слишком нереальной в наших условиях.

Кучка европейцев и целая армия японцев со всей экипировкой. Где мы возьмем столько азиатских лиц и столько самурайской амуниции вместе с мечами?

Теперь Александр лежал на своем диване, смотрел в потолок и не знал, что делать.

Конечно, ничего особенно трагического не произошло, он мог сыграть в игру еще. Но, а это он знал твердо, каждая новая победа будет приносить меньше радости, нежели предыдущая, пока все это не начнет набивать оскомину, превратившись в нудную и ничего не значущую каждодневную обязанность.

² Катана – самурайский меч.

Нет. Уходить нужно сразу. Пока живо само ощущение победы, пока он еще что-то чувствует. Только вот вопрос – куда уходить?

Хорошо бы научиться выключать свое сознание на несколько лет, уснуть и проснуться, когда японцы создадут новую игру. Игру, ради которой стоит жить.

Или... Он повернул голову в сторону тумбочки, на которой стоял пузырек с эликсиром, изготовленным сером Маразмусом по средневековому рецепту алхимиков. Сер Маразмус – игровое имя мужа сестры Александра Аленки. Рецепт же он скачал с какого-то библиотечного сайта или получил в подарок от французских игроков. Ал не вдавался в подробности.

– Это настоящий рецепт самого Просперуса Кунна, который в пятнадцатом веке в Праге получил философский камень, – внушал Александру мудрый Маразмус. – Знаешь, как он его получил? Думаешь, долгими опытами? Черта с два! Он выпил эликсир и скользнул в книгу своего предшественника, раввина Руди Шейнца, и выудил оттуда секрет камня. В книгу – это все равно что в созданное подсознанием автора информационное пространство. В виртуальную реальность. Так более понятно?

Почему-то Маразмус считал Ала идиотом и каждый раз пытался это подчеркнуть.

Автор пишет книгу, прописывая второстепенные действия и не говоря о главном. Но это главное все равно находится в подсознании автора. А значит, оказавшись в книге, ты можешь выудить то, что писатель знал, но не сказал, как это сделал Кунн.

Ал протянул руку и взял пузырек с эликсиром.

«Конечно, трижды презренный Маразмус мог мухлевать, дать отраву и затем на правах родственника захватить квартиру и дорожный комп с ультрасовременными прибабасами. Но, с другой стороны, держать в руках эликсир алхимиков и не принять его равнозначно...»

Ал встал и закрыл на секретный пароль компьютер.

«Не все ли равно, чему это равнозначно». Он сел в кресло, положив на левый подлокотник книгу Клавелла и на правый – привезенный из Японии короткий самурайский меч. Бывали часы, когда Ал думал о том, что ему еще придется воспользоваться этим мечом, но фантазия его при этом простиралась не далее пошленького перерезания вен в ванной. Не поперек, как это обычно показывают в кино, а вдоль, чтобы уже наверняка. Впрочем, ни на что более серьезное он все равно решиться бы не смог. Мысль о хакари пугала его, заставляя душу в который раз эмигрировать в пятки.

Сегодня перед Алом был пузырек с эликсиром. В любом случае, даже если он бы и оказался ядом, смерть от отравления представлялась Алу менее болезненной, нежели от меча. И сегодня, после победы в игре, он не собирался отказываться от такого замечательного вызова – оказаться в Японии начала XVII века.

У Джона Блэкторна не было знаний языка – Ал худо-бедно говорил по-японски. Кормчий не владел мечом – Ал изучил самурайскую технику в совершенстве, кроме того, у него был этот самый меч.

Мало этого – он знал наперед, что должно будет произойти с кормчим и его командой. А знание – сила! И еще одно – то, чего не было у янки при дворе короля Артура, чего были лишены почти все герои историй с попаданием в прошлое или другой мир, – Ал делал все в трезвом уме и здравой памяти. Совершенно сознательно и продуманно. Ал шагал в бездну, и уже бездне следовало думать и решать, что делать с кадром, который вторгся в нее не корысти ради, а игрового азарта для...

Он не знал, сумеет ли забрать с собой меч и книгу, но надеялся на это.

Ал откупорил пробку и, зажав нос, выпил содержимое пузырька. После, положив правую руку на рукоять меча и левую – на глянцевый переплет, он откинулся на спинку кресла, ожидая изменений.

Теперь его задачей было обнаружить команду нидерландского корабля, втереться в доверие к кормчему, доказав свою необходимость для команды.

В горле и животе жгло. Перед глазами клубился туман. Проваливаясь в темноту, Ал сжал меч и книгу, готовясь к решительному прыжку в неизвестность и силясь не извергнуть из себя проклятый эликсир.

Глава 2 Внедренец

В Китае жил человек, который очень любил драконов. Он разукрашивал изображениями драконов свой дом, велел рисовать их на чашках и чайнике, на рукояти своего меча и на одежде. Однажды об этом человеке рассказали драконьему богу, и тот явился в дом любителя драконов, чтобы лично познакомиться с ним.

Увидав на своем балконе настоящего дракона, любитель драконов умер со страху.

Учителя говорили потом о любителе драконов. Этот человек любит много брать на себя, в то время как на деле он нечто совершенно другое.

Китайская мудрость № 1, разрешена официальной цензурой правительства Эдо

Перед глазами все заволочло черным туманом, вдруг сделалось невыносимо жарко и душно. По лицу струился пот, к горлу подступил мешающий дышать комок. Ал напрягся и попытался встать и вызвать «скорую», но отказавшиеся слушаться ноги подломились под ним.

Ал грохнулся на пол, проклиная про себя отравившего его Маразмуса и все еще пытаюсь нащупать трубу. На секунду реальность словно озарилась мгновенной вспышкой и тут же погрузилась во тьму.

Ал не знал, сколько времени длился обморок. Теперь вокруг него слышался треск дерева и плеск волн, в воздухе воняло гнилью, тухлятиной, мочой и еще бог знает какой гадостью.

Ал разлепил веки и какое-то время вглядывался во тьму. Его тошнило, мало этого – казалось, что пол, на котором он лежит, ходит ходуном.

Сунув книгу Клавелла и меч под мышку, он попытался нащупать кресло, но его не оказалось на месте. Стена была неровной и почему-то дощатой. Ал поднялся на ноги и больно ударился головой о потолок.

Пахло морем, пол или, точнее, палуба была подозрительно накрена, так что приходилось идти, держась за мокрую стену.

Его глаза медленно привыкали к скудному освещению. Должно быть, он находился на корабле.

Рядом никого не было, но Ал был уверен, что, приходя в себя, он явственно слышал голоса, множество голосов. Трепотня, стоны, отрывистые приказы, ругань. Он не понимал ни одного слова, догадываясь, скорее, по тембру о сути сказанного.

«Неужели! – донеслось до его сознания. – Я жив и у меня получилось! Я попал!»

Ал сунул под джемпер книгу и, держась одной рукой за стену, добрался до двери и толкнул ее. В темном, залитом по щиколотку водой коридоре тоже никого не было, лестница наверх оказалась заваленной ящиками и мешками, на палубе валялись обломки мачты и рваные паруса.

Не веря своим глазам, Ал ощупывал мокрые и шершавые стены, пробовал на прочность попадающиеся под руку предметы.

– Ничего себе графика! – выдохнул Ал. – Звуки, запахи, все как настоящее, даже водяные брызги, даже ветер!.. Интересно, удастся ли почувствовать вкус еды? А объятья гейши? А...

Понятия не имея, как будет объяснять команде, кто он и как оказался на борту корабля, Ал выбрался на палубу и уставился на скудно освещенный факелами и кострами берег. Должно быть, команда была уже там.

Судя по виду корабля, он претерпел нехилый шторм, и теперь местные жители отвели его в тихую бухту.

Ал лихорадочно соображал, что делать дальше, когда увидел, как к борту корабля пытается пришвартоваться крохотная рыбацкая лодка, и, отступив в сторону, присел за бочкой.

На борт поднялись четверо японцев, по виду простых крестьян или рыбаков. Ал сразу же выделил одного – пожилого, худого и прямого, точно спиннинг, мужика, перед которым остальные непрерывно кланялись, изображая бурную деятельность.

«Понятно. Я действительно в Японии. Был шторм, Блэкторн вывел свой корабль, и теперь оставшиеся в живых греются у огня, в то время как староста деревни пришел с комиссией по инвентаризации пиратского имущества». То, что перед ним староста, а не самурай, он понял по его прическе. Волосы аккуратно смочены маслом и завязаны на затылке в хвост. Самураи выбривали лоб. Ал даже знал имя старосты – Мура-сан.

Японцы явно не стремились начать обыск корабля, должно быть, поджидая прибытия охраны или когда рассветет и можно будет работать при естественном освещении.

К «Эразму» подошли другие лодки, староста поспешил подать руку молодому, хорошо одетому самураю. Ал отметил, что молодой человек ведет себя как хозяин, скорее всего, местный князек – даймё. Хотя нет, тут же одернул себя геймер, деревней действительно управляет самурай Оми-сан – племянник даймё Ябу, оба из рода.

Пока все шло в соответствии с написанным. Это придавало уверенности.

В следующих главах староста отделит кормчего от остальной команды, поселив его у себя. Дальше, по прибытии добрейшего дядюшки, всех затолкают в яму и будут усиленно поливать помоями. Последнее не входило в его планы.

Незаметно Ал скользнул обратно к лестнице и, пробравшись внутрь корабля, обежал несколько кают в поисках каюты кормчего. По книге, она должна была располагаться где-то на юте, но где именно, следовало догадываться. В одном из отсеков с грузом он обнаружил сундук с расшитой золотом одеждой и украшениями. И прихватил оттуда шмотье и побрякушки, завязав добычу в узел. Не то чтобы он верил, что Оми-сан согласится оставить ему эти вещи. Они были ему без надобности. Просто в игре так принято: если перед тобой стоит сундук – значит, из него нужно что-нибудь достать. Обычно это что-то могло пригодиться в дальнейшей игре. В конце концов, трофеев можно было сменять на что-нибудь более ценное.

Обнаружив каюту Блэкторна, он отыскал в рундуке секретный *рутер*³ и, спрятав его на груди, отправился сдаваться властям.

На самом деле от рутера следовало избавиться, так как попади он в руки иезуитам, команду во главе с капитаном вздернули бы на реях за пиратство и регулярное разграбление и поджоги святых храмов. Поэтому, добравшись до палубы, он не нашел ничего лучшего, как швырнуть опасную тетрадь в воду в надежде, что соленая вода быстрее быстрого разберется, если не с бумагой, то хотя бы с чернилами.

Ал услышал над головой быстрые шаги и поспешил выйти навстречу Оми и его самураям первым.

³ *Рутер* – судоходный дневник, в который кормчие заносили все свои остановки, выгрузку или получение товара. Пиратские набеги – если в качестве пиратов выступала команда, то подробно описывалось, где произошло нападение, сколько убитых и раненых, какова добыча.

Судя по выражениям лиц собравшихся на палубе, Ал понял, что его появление произвело настоящий фурор.

Во всяком случае с десяток самураев тут же сгрудились вокруг хорошо одетого юноши с двумя мечами за поясом, оцетинившись обнаженными мечами, точно на палубе распустился в одно мгновение серебряный цветок. Сделалось светлее благодаря вышедшей из-за кружевных облаков полной луне.

– *Охайо годзаимаста!* Здравствуйте (вежливая форма)! – Ал сдержанно поклонился, перекинув через плечо расшитую золотом испанскую куртку. В лунном свете золотое шитье должно было недурственно смотреться, рекомендуя владельца как знатного сеньора, с которым следовало обращаться вежливо. – *Комбан-ва.* Доброй ночи. – Он улыбнулся, как бы невзначай показывая рукоять своего меча.

С некоторым опозданием ему ответили. Это было хорошим знаком. Ал сделал шаг в сторону японцев. Его о чем-то спросили, но геймер не понял ни слова. Запоздало он сообразил, что уже слышал о том, что у японцев в каждой провинции свой диалект, так что южане не понимают северян, а восточные – западных. Кроме того, японский изменяется буквально каждый день, так что учебники, написанные для русских в восьмидесятых годах, уже устарели настолько, что многие слова и выражения сделались архаизмами, а то и вышли из лексикона.

В случае с Александром он сразу же угодил в оба капкана, сам он говорил на южном диалекте, в то время как произношение аборигенов вообще ни на что не было похожем. Ко всему прочему – японский XVII века отличался от современного японского так, словно это был совершенно другой язык.

Один из самураев что-то сказал Оми и опасно приблизился к Алу. Двигаясь на полусогнутых, он приходился ему чуть ли не до пояса. Что, вероятно, насмешило Муру и Оми. Во всяком случае они обменялись понятными каждому жестами.

Подошедший к Алу самурай трусил, отчего делался непредсказуемым и опасным. Он снова застрекотал. Ал напрягся, силясь уловить суть. До него донеслось слово «мидзу» (вода). Должно быть, мелкий пытался сказать своему командиру, что Ал не мокрый. Тут было о чем задуматься.

На пустом корабле, уже после высадки команды и, возможно, обыска (во всяком случае было бы странно, если бы корабль не шмонали), оказывается неучтенный человек, при оружии, к тому же при японском оружии, в сухой одежде и с сухими волосами. Вопрос – будет ли это расценено как плюс. Знак свыше, указание, что это не обычный бедолага, а нечто особенное, наделенное силой, могуществом или просто ценная, не известная японцам порода мужика ненамокающего. Или все это будет отнесено к минусу – нечто, увидев которое, следует немедленно развести огонь и сжечь неопознанный немокнувший объект или попросту порубить в капусту. Интересно, была ли в Японии в семнадцатом веке капуста?

На всякий случай Ал аккуратно дотронулся до рукояти своего меча. Японцы напряглись. Затем так же спокойно вытащил из ножен меч и, присев, положил его перед собой на палубу. Ал, конечно, учился владению самурайским мечом, но сейчас, когда противники имели столь серьезный численный перевес, к тому же это были профессионалы, не умеющие ничего другого войны... Экспериментировать не хотелось.

Его тут же окружили самураи, так, что Ал остался сидеть на палубе, ощущая кожей направленные в его сторону лезвия мечей. Кто-то отпихнул его меч ногой. (А еще говорят, меч – душа самурая!) Ал услышал над головой командный голос Оми, понимая, что, отказавшись от оружия, проиграл японцам вчистую.

В следующий момент кто-то стукнул его по темечку, и Ал вырубился.

Глава 3

Мечта сбылась

*Ищу выход из Интернета...
Из страшных снов Алекса Глюка*

Когда Ал очнулся, исчезла расшитая золотом куртка, за пазухой отсутствовала заветная книга Клавелла. Длинный старый джемпер и волосы были пропитаны влагой, как если бы он долго лежал на мокром песке или окунулся в воду во всем шмотье и успел слегка подсохнуть. Джинса противно липла к телу, обуви не было. Но последнее скорее радовало, чем печалило. Вдруг представилось, что команда и легендарный Джон Блэкторн узрят его домашние тапочки.

Болела голова. Странное дело, почему-то он сразу вспомнил эликсир, древнюю Японию и неудачу с Оми.

«Если, несмотря на поражение, я все же остался в игре – значит, есть шанс выиграть. В игре следует оставаться, даже если шансы ничтожны. Игра есть жизнь».

Ал сел, оглядываясь по сторонам. Просторная, лишенная мебели комната с прозрачными ширмами из рисовой бумаги сёдзи и жесткими циновками татами в обычное время, должно быть, служила гостиной. Рядом с ним валялось несколько косматых мужиков, сильно смахивающих на современных бомжей. Сходство добавлял характерный запах давно не мытых тел. На двух моряках, к своему удовольствию, Ал обнаружил вязаные хламиды, похожие на его собственный джемпер, добавьте к этому европейскую внешность и длинные волосы – в общем, если не считать современных джинсов, можно сказать, что он вписался в команду. Во всяком случае не привыкшие видеть каждый день европейцев японцы не должны заметить существенных отличий.

Лежащий ближе всех к Алу образина, со свежими фингалами под глазами и с кровоподтеком на скуле, постоянно чесался во сне. По его одеялу навстречу Алу весело бежала крошечная вошка.

Ал приподнялся, опершись на локоть, и встретился глазами с косматым и чумазым, словно цыган, типом, лежащим на циновке за вшивым.

Тот спросил что-то на незнакомом Александру языке. Пришлось переспросить по-английски. Здесь дела пошли легче. Несмотря на то что современный английский, которым неплохо владел Ал, сильно отличался от английского XVII века, нидерландские моряки говорили на жуткой смеси португальского, английского и голландского языков, так что и эта странность не бросалась в глаза. Собеседника Ала звали Йоханом Винком, по книге, он был главным артиллеристом корабля.

О себе Ал сочинил, что его корабль «Король Артур» попал в шторм у берегов Японии и затонул со всей командой. В живых остался лишь Ал – Алекс Глюк (один из первых интернетных ников Александра), скромный негоциант и знаток Японии.

История была хоть и всецело высосанной из пальца, но все же могла иметь место быть. Океан большой, мало ли кто по нему ходит, а Магелланов пролив хоть и тайный, но не одному же Блэкторну повезло с картой.

Себя Ал назвал купцом тоже умышленно. В морском деле он был не то что нуль, а даже со знаком минус, так что спроси его что-нибудь из морской жизни – провалился бы как пить дать.

– Негоциант? Знаем мы таких негоциантов! Пират! – засмеялся в ответ Винк, обнажив беззубый рот.

– Почему пират? Мы, это... из торговых. – Покраснел до ушей Александр.

– Торговые, не торговые, а камзольчик-то спер. У своих же спер! Понятия иметь надо! – Винк сплюнул.

– Ну спер, а ты бы на моем месте, можно подумать, погнушался бы, когда корабль пустой, а команда то ли акул кормит, то ли на реях сушится. – Он подмигнул моряку и, не заметив враждебности в его взгляде, поднялся и отодвинул сѐдзи.

При виде его с пола поднялись сразу же три самурая и человек, которого Ал вчера определил как старосту.

– *Сумимасен. Тойре и дес ка?* Извините. Можно в туалет? – Вежливо поклонившись и держа руки так, чтобы было видно, что в них ничего нет, Ал остановился в шаге от комнаты, из которой только что вышел, готовый по первому приказу вернуться на свое место.

– *Нани, нани?* Что, что? – переспросил Мура. – *Тойре?* Туалет?

– *Тойре, то офуро и дес ка?* Туалет и ванну можно? – Он невольно поклонился, выжидающе смотря на старосту.

– *Додзо.* Пожалуйста. – Мура показал жестом, что Ал может следовать за ним, и сам проводил его на задний двор, посреди которого стояло ведро. Вот и все удобства. Но делать было нечего. Мура пристально наблюдал за тем, как Ал расстегивает ширинку. Так что Ал возблагодарил бога, что на джинсах болты, а не молния.

Александр припомнил, что Клавелл описывает японцев того времени как озабоченных половыми вопросами, а значит, староста хотел посмотреть на его член.

Слава богу, при росте метр восемьдесят остальные части его тела были вполне пропорциональны, а значит, у старого извращенца будет о чем рассказать сегодня домочадцам.

Но вместо этого Мура что-то громко крикнул, и тут же Александр был окружен со всех сторон женщинами и детьми. Молодые и пожилые японки, смеясь и цокая языками, смотрели на его член, прикидывая на пальцах длину и ширину и, должно быть, примеряясь, кому такая штука может подойти. От женщин не отставали дети, обрадованные бесплатным шоу, они высыпали неизвестно откуда. Ал сжался, отворачиваясь от зрителей и мочась себе на ноги.

Но впереди его ожидало новое испытание – ванна.

По правде сказать, он прекрасно мог обойтись без купания и попросил ванну, исключительно вспомнив о том, что поначалу для Блэкторна купание было камнем преткновения. Из-за этих ванн и непонимания массажа японцы считали свалившихся им на головы европейцев грязными, вонючими варварами. Он – Ал – должен был быть выше этого, сильнее и цивилизованнее. Только таким образом он мог избежать быть посаженным в яму с помоями, заживо сваренным в котле, отправленным в местную тюрьму, а также избежать попадания в любую другую ловушку, расставленную для него Джеймсом Клавеллом.

* * *

– Эти новые варвары что-то невероятное, – развел руками Оми. – Мне кажется, вам было бы интересно посмотреть на них лично. Насколько я могу понять, все они прекрасные мореходы.

– Ты думаешь, из них можно сделать приличных людей? – Ябу смотрел на мирно стоящий на глади воды варварский корабль. Лунный свет слегка серебрил мачту, разливаясь по поверхности воды тонким жемчужным покровом. Это зрелище наполняло его сердце радостью.

– Только частично, – усмехнулся Оми. – Могу предсказать судьбы всех, кроме одного.

– Ты говоришь о золотоволосом великане, появившемся на корабле уже после того, как команда была отправлена на берег и произведен первый досмотр? Плохо же смотрят твои люди, если не смогли разглядеть этого жеребца.

Выражение лица даймё не изменилось, так что Оми не сумел прочесть, гневается дядя или насмехается над ним. И то и другое было одинаково неприятно.

– Это были обыкновенные крестьяне, не обученные производить обыск. Впрочем, они будут примерно наказаны за свою оплошность.

– Накажи их штрафом, – махнул рукой даймё, – крестьяне дают рис, если ты казнишь деревню – твои доходы сократятся, а значит, ты накажешь в первую очередь себя. В этом деле еще нужно разобраться. Я не верю в чудеса, но то, что варвар появился вдруг, как по волшебству, в сухой одежде и с сухими волосами, то, что он заговорил с вами по-человечески... м-да... Это очень необычно.

Он помолчал, наблюдая за тем, как от берега отчаливает рыбацкая лодка, похожая на лунный серп. Одинокая фигура полуголого старика в ней наводила на мысли о бренности существования и хрупкости человеческой жизни. Хотя можно ли считать рыбака человеком...

– Ты еще не допросил золотоволосого варвара? – спросил он с надеждой в голосе. Подумалось, что было бы, наверное, интересно испытать на нем новые, только что приобретенные у проклятых испанцев орудия пыток. Огромный золотоволосый, белотелый варвар должен был прекрасно смотреться на специальном столе мучений. – Впрочем, допрос и не нужен, все и так ясно – если он знает японский – значит, пиратствовал в наших водах, нанося урон Тайку и даймё тех мест. Тот факт, что он вышел сухим из воды... – Ябу снова замолчал. – Мы так мало знаем об этих белотелых варварах... лично меня больше всего удивляет, что он сумел открыть дверь, а не разрушил седзи, как это делали варвары до него. Боюсь, мы никогда не узнаем, как это могло произойти. Этот варвар принес с собой так много вопросов, отвечать на которые просто нет времени. Поэтому я рекомендовал бы тебе убить его.

– Такова ваша воля? – Оми удалось скрыть разочарование. – Я выполню все в точности. Что прикажете делать с остальными?

– Двенадцать человек – двенадцать различных пыток. Это хороший опыт – поглядеть, чего на самом деле стоят эти варвары... такие же они сильные, как японцы, или нет...

– Осмелюсь заметить, священник тоже считает, что их следует убить, всех, и особенно золотоволосого. Он прямо кипит от злобы, когда говорит о нем. Я так понял, что он в бешенстве уже оттого, что варвар оказался в сухой одежде после того, как море чуть было не пожрало их корабль. Он считает его порождением Сатаны, некой противоположностью своего главного Бога Христа, – Антихристом – темным богом.

– Считать человека дьяволом только за то, что он поменял мокрые штаны на сухие! Как это похоже на христианских варваров! – Ябу засмеялся. – Если отец Себастья считает, что Золотой Варвар должен умереть – он будет жить!

Глава 4 Пути-дороги

Если хочешь успокоиться и сосредоточиться, возьми в руки сборник стихов и внимательно читай его. Таким образом твой ум самопроизвольно настроится на одно дело, а не на десять. Учись сосредоточению.

Из сборника правил для идущих по Пути Духа. Рекомендовано к прочтению юным отпрыскам самурайских семей.

Разрешено официальной цензурой правительства Эдо, Индзу, Осаки

Ал ощущал удовольствие от первых побед. Как и предполагалось, ему удалось уговорить команду признать его перед японцами своим. Правда, для этого пришлось признать себя протестантом, но в этом не было ничего запретного. В конце концов, в каждой игре есть свои правила, а правила этой игры требовали от него быть приверженцем какой-нибудь религии. Для того же, чтобы войти в доверие моряков с «Эразма», нужно было заявиться протестантом и ярым врагом католицизма.

Мысленно Ал обозвал команду дураками, обещая себе при первой же серьезной неприятности с иезуитами перекреститься в католичество, а то и махнуть в буддизм.

Все это не казалось Александру чем-то из ряда вон. Он верил в Бога – но в Бога, у которого сотни или тысячи имен и лиц, под которыми он является людям. Он верил, что на самом деле верховное Божество в любой религии суть одно и то же, один и тот же Бог во множестве граней отражений кристалла. Бог, который создал небо и землю, людей, животных и птиц и теперь играет со всем этим. Так что, если ты умный – играй со своим Богом, если глуп – служи пешкой в его игре. У каждого есть выбор, но каждый волен и отказаться от выбора, плывя по воле волн.

Он не понимал и не собирался понимать религиозные войны, целью которых было признание правильности обрядов одной церкви перед другими и вытеснение инакомыслящих, хотя, спору нет, обожал игры с военной подоплекой. Не глупые стрелялки, ими он был сыт по горло, а стратегические игры с их походами и завоеваниями.

История с гибелью собственного корабля хоть и являлась чисто высосанной из пальца, тем не менее была принята командой, с теми оговорками, что, будучи опытными моряками, они сами дорисовали за Александра подробности бедствия.

На все их мудрые замечания и поучения Ал только кивал головой, изображая из себя безграмотного негоцианта, который, нажравшись в своей каюте, проспал бурю, унесшую в море весь его товар. И теперь господин Глюк даже не мог достойным образом описать, откуда дул ветер и что при этом делали капитан и члены команды.

Что касается спиртного, то и тут все сошло гладко, и истосковавшаяся без выпивки непривычно трезвая команда сама подсказывала Алексу сорта популярных вин, глотая слюнки и мечтая как можно скорее забрать свой корабль и убраться из Японии.

Тем не менее, при всей своей тупости и явной неспособности к морскому делу, Ал был нужен команде благодаря своему знанию Японии и японского языка. Поэтому его и приняли, если не как родного, то хотя бы как тот деревянный спасательный круг, который старались иметь на всех кораблях того времени. Ал уже видел эту штуковину, когда был на «Эразме», и мог поспорить, что эдакой хренотенью было легче прибить утопающего, нежели спасти.

Матросы стучали зубами от страха за свои жизни, то и дело осыпая Александра вопросами насчет своей участи на этой богом оставленной земле. Два человека беспрестанно

молились, мешая остальным спать. Но их не трогали, надеясь, что святоши сумеют как-то выторговать у Господа их трижды проклятые жизни.

Но в основном команда горевала по отсутствию рома, при упоминании об этом напитке многих начинала бить дрожь и возникали непроизвольные конвульсии.

Так что вопросы – дадут ли мяса и выпивки – задавались Александру, пожалуй, чаще, нежели поднимались темы о жизни и свободе.

Принявший ванну и немного посвежевший Ал готовился к разговору со старостой деревни или Оми.

На обед подали по чашечке риса, соус, бульон из водорослей и сырую рыбу.

– Что думают о себе эти желторожие?! – заорал на принесших еду женщин юнга Крок. – Как мы можем приготовить рыбу без огня?

Алу пришлось приложить всю силу своего убеждения для того, чтобы уговорить моряков попробовать сырой рыбы, окунув ее предварительно в соус. В то время как команда начала требовать, чтобы он шел к старосте Муру и выражал всеобщее возмущение.

– С какой стати мы согласились покрывать этого дьявола, если от него никакой пользы? – вопил Ханс Питерзон. – Еще неизвестно, какого полета эта птичка и откуда она залетела на наш корабль!

– Точно, сдадим его иезуитам, пусть они решают, что с ним делать, а нам он не нужен! – вторил матрос Понс.

– Постойте! – Ал развел руками в примирительном жесте. – Ну, представьте себе, если я буду бегать по каждому ничтожному поводу к старосте, я же надоем ему пуще его собственных блох. С какой стати он будет помогать нам чинить корабль и разбираться с властями, если мы будем вести себя, как дикари и пираты. Все-таки мы пока находимся на их земле и должны подчиняться их обычаям. Вы же не возражаете против женщин, которых вам предлагают в изобилии...

– Он прав, – поддержал Ала Йохан Винк. – Есть вещи, о которых лучше забыть до поры до времени.

– К тому же, если мы будем орать на прислугу и жаловаться, нас могут бросить в тюрьму или убить. Я считаю, нужно выждать время и хотя бы набраться сил. – Ал обвел взглядом команду, ища поддержки.

– С такой пищи мы их наберемся, как же... поди, отошаем. Что же касается рома, то я без него не человек. Так что еще несколько дней без выпивки, и можете вычеркивать меня из списка команды, – сетовал на судьбу юнга. Его неприятное, исхудавшее лицо сифилитика действовало на Ала раздражающе.

– Вычеркнем – нам же больше достанется, – ухмыльнулся Винк, – тоже мне напугал. Думал, сам сдохнет, так кто-нибудь из нас разорится ему на погребение.

В тот же день Ал упросил Муру отвести его в дом, куда был помещен кормчий. Посоветовавшись с Оми и взяв для охраны самураев, Мура сопроводил Александра к своему дому, где в полном одиночестве коротал дни легендарный Уильям Адамс.

При виде кормчего у Александра упало сердце: мало того что Адамс был очень худым, сутулым и низкорослым мужичком с черной лохматой бородищей до пупа и черными же, спутанными, как у разбойника, патлами, его взгляд был безумным, а глаза источали почти животный ужас.

При виде Ала он закричал и забился в угол комнаты, шепча охранные заклинания или молитвы.

– Тихо, кормчий, – Ал попытался улыбнуться. Но это вызвало новый приступ ужаса.

Должно быть, Адамс решил, что попал в ад. Перед его глазами уже плясали языки пламени, а уцелевшие после недавней цинги зубы отстукивали чечетку.

Александр заговорил по-английски, стараясь успокоить обезумевшего человека. От которого он так много ожидал и в чьем гении и способности выпутываться из сложных ситуаций был уверен.

Но ничего не помогло, Уильям Адамс, или, как это было более привычно для Ала, Джон Блэкторн, был безумен. Пробыв с кормчим еще с полчаса и ничего не добившись, Ал сказал старосте, что собирается вернуться к команде. После чего Мура вызвал ожидающуюся Ала во дворе охрану из трех самураев.

По дороге Александр смотрел на аккуратные чистенькие домики, горбатые, явно китайские мостики, ухоженные, красивые садики, людей на улице. Опрятные и довольно-таки милые крестьянки провожали процессию, непрерывно кланяясь и вставая на колени.

Глава 5

Деревенский самурай

Отряды японских хакеров XVII века в результате длительных боев сумели взломать защиту на главном сервере Господа Бога и поставили себе бесконечные деньги и вечную жизнь.
Из снов Алекса Глюка

«Попробуем оценить шансы, – решал про себя Ал. – Я думал о Блэкторне как о герое, в тени которого мне следует продолжать собственную игру. Блэкторн выбыл – остаешься ты один. То есть не один, а с бесполезной и готовой в любой момент устроить бунт ватагой мерзавцев и пиратов. Что бы сделал на моем месте любой стоящий игрок? Постарался бы сбить их с рук и действовать самостоятельно. Что значит сбить с рук? Убить? Отпадает, за убийства тебя, скорее всего, казнят. Продать в рабство, куда-нибудь на галеры, где им самое место? Стоп! Какое к черту рабство – в Японии нет никакого рабства, на галерах гребцами служат самураи. Думай дальше. Уйти от них? Куда? Япония – островное государство. Остров – часть суши, со всех сторон окруженная водой. Куда ты денешься с острова без корабля и команды? Значит, придется подчинить их себе полностью. Добиться, чтобы они назвали тебя капитаном или кормчим, а если возразят, пожаловаться самураям или старосте. Японцы любят порядок и, скорее всего, не откажут в помощи».

Они свернули около набережной, Ал снова увидел качающийся на волнах капер. Но теперь компанию ему составляла здоровенная галера. Зачем его привели сюда, что хотят этим сказать? Возможно, прямо сейчас откуда-нибудь из потаенного места за ним наблюдает сам даймё Ябу. Ал огляделся. Он ждал Ябу-сан, в который раз припоминая все, что писалось об этом в романе. Тем не менее даймё почему-то не спешил встретиться с командой «Эразма» и кормчим. Стоп, поправочка, реальный корабль носил названий «Лифде».

Подойдя к дому, в котором японцы содержали моряков, Александр снял сандалии и, делая вид, что кланяется Муре, тихо произнес:

– *Четто матте, онигайши мас.* Одну минуточку, прошу вас. – И с многозначительным видом скользнул за дверь.

– Что это может значить? – спросил Оми, от которого не укрылось странное поведение чужестранца.

– Должно быть, он хочет что-то сказать нам. Интересно, что это может быть такое? – Мура казался озабоченным и одновременно с тем взволнованным. – Быть может, Золотой Варвар хочет сообщить нечто важное, что было бы полезно узнать Ябу-сама?⁴ – Он поклонился. – Пожалуйста, не оставляйте меня, этот великан – сплошные загадки.

– Да, очень интересно. Не правда ли – этот варвар не такой, как другие, приплывавшие до него, и не такой, как остальные члены команды. Впрочем, он попросил вас подождать его, вас, а не меня. А ведь я главнее. Очень плохие манеры.

– Действительно. Он совершенно не умеет вести себя в обществе порядочных людей. Возможно, мне следует его примерно наказать?.. Но, с другой стороны, я бы сначала хотел послушать, что он скажет. – Мура присел на корточки около порога.

Тем временем Александр пробежал по коридору и, распахнув дверь общей комнаты, плюхнулся на циновки рядом с Винком.

⁴ Если в японском языке приставка «сан» обозначает «господин», приставка «сама» – вежливая форма от этого слова. Обычно так обращались к самым важным господам.

– Адамс сошел с ума! – выпалил он без малейшей паузы. – Сюда приехал местный князек и редкостный палач Ябу-сан, сегодня, крайний срок завтра, он захочет поговорить с кормчим или капитаном этого корабля.

– Мы погибли, – захныкал Йохан.

Ал дождался, когда моряки немного поизольют свой ужас и продолжил:

– Я сам слышал, как Ябу-сан сказал, что так как он князь, то и желает разговаривать только с вашим начальством. Переводить при этом будет проклятый иезуит. Инквизитор, у которого несколько лет назад наши единовѣрцы вырезали всю семью.

– Адмирал умер, кормчий свихнулся. Кого же мы пошлем на переговоры? Нужно провести голосование, – нашелся вездесущий Винк. – Предлагаю себя. Я вас не подведу. Все как есть скажу этому князю, растолкую, кто мы да что. Или давайте старину Тома Корфа, у него тоже язык дай бог как подвешен.

– С какой стати тебя – бездонная бочка? У нас есть купец, на чьи деньги Блэкторн закупал товар и ремонтировал посудину, он не менее других имеет право назваться капитаном. Выберем Ханса Питерзона, – предложил кандидатуру хромящий на правую ногу Баккус.

Раздались сразу же несколько голосов за и против.

– Итак, у нас получается три претендента, – отметил Винк. – Я, Корф и Ханс Питерзон.

Самый молодой, но уже достаточно стреляный воробей Крок встал со своего места и велел всем трем претендентам занять разные углы. Ала потеснили, и он автоматически присел в четвертом, свободном, углу.

– Я был на «Святой Катерине», когда во время атаки капитан был убит пушечным ядром, после этого мы выбирали нового капитана, – деловито объяснил свои действия юнга. – Если голосовать поднятием рук, считающий может не разглядеть и посчитать кого-нибудь дважды, в то время как если мы все просто подойдем к тому, кого считаем наиболее достойным, все сразу же станет понятно.

– Выбирайте меня, – требовал негоциант. – Я богатый человек, доберемся до дома, возьму всем потери и заплачу положенное жалованье.

– Не его, а меня, – голосил Винк, – братки, подумайте сами, на кой черт вам торгаш в капитанах?! Пусть себе обсчитывает простачков в своих лавках – продажная шкура. Выберите меня, я вас не оставлю, все по справедливости. Только в море выйдем, весь спиртной товар разделю между членами команды.

– Не верьте ему, это мой товар! Господин Винк не имеет права, – вопил негоциант. – А когда домой придем, я новый корабль снаряжу и одного из вас сделаю капитаном на «Лифде», другого – на новом корабле. Клянусь распятым!

– Не слушайте этих говноедов. Винк – пьяница и к тому же главный артиллерист корабля. Из пушки стрелять – не по морю ходить. Ему нас потопить привычнее, чем грамотно курс держать. Пораскиньте мозгами – я приведу корабль не хуже кормчего. Меня выбирайте, – не отставал от других Корф, его изъеденное оспинками лицо покраснело и оттого напоминало недостаточно хорошо прожаренное мясо.

По сигналу юнги моряки встали со своих циновок и нога за ногу перешли кто к Винку, кто к Корфу, а кто и к Питерзону. При этом артиллерист, получил значительный перевес голосов. Ал отметил про себя, что предвыборная кампания Винка действительно была самой соблазнительной, потому что жалованье, компенсация и новый корабль – это когда еще. А дармовая выпивка здесь и сейчас. Только доберись до капера, а там...

– С этого момента я ваш капитан! Ура! – завопил довольный Винк.

– Постойте! – наконец вступил в предвыборную гонку Ал. – Ты – Винк – капитан. Допустим. Значит, ты собираешься разговаривать с Ябу о судьбе команды и корабля?

– А почему бы и нет? – осклабился Винк. – Поди, язык имеется.

– Японский? – Ал приподнял бровь.

– По-японски ты говорить мастак, брат. Мы тебя иезуитам не выдали, так что теперь ты будешь за переводчика.

– Ничего не получится. – Ал развалился в своем углу, подоткнув под спину удобную подушку.

– Почему не получится? – Глаза Винка были переполнены злобой и одновременно страхом. – Ты что же, сучий потрох, своих решил бросить? – Его рука метнулась к поясу, где, должно быть, он привык держать нож. – Так я же тебя голыми руками на кусочки порву.

– Меня-то за что? Я же пришел и сказал, что ихний даймё желает беседовать только с капитаном или кормчим. О переводчиках ничего не было сказано.

– А как же мы с ним пойдем друг друга без толмача? Без переводчика никак нельзя. – Глаза Винка заметались, на лбу выступили крупные капли пота. Наконец до него дошло, что хотел сказать Ал.

– Переводить будет отец Себастьян, или Себастья, как его тут называют. Я же вам сказал, когда пришел. – Он притворно зевнул.

– Этот напереводит! Очернит, как пить дать. Тем более если у него к нашему брату личные счета, – заохал негоциант. – Распнут или голову долой, а то и на костер. Как у них тут с пиратами обходятся?

– По-разному обходятся, – утешил его Ал. – Кого-то в котле живьем сварят, кого-то на кол посадят, кого-то, ясное дело, – распнут, а кому-то прямая дорога на костер. Японцы много видов казней знают, они нас всех по-разному порешат, а у них еще полна коробочка всякого разного останется.

– Что же делать? – заныл Баккус.

– Единственный шанс, – Ал гостеприимно указал на место в своем углу. – Присоединяйтесь. Выбирайте меня капитаном или кормчим, и я буду вести переговоры.

– Какой умный! Вот так, в море не ходивши, добычи не бравши, и в капитаны! – взорвался Винк.

Несколько человек попытались наброситься на Александра, но он быстро раскидал их, демонстративно стараясь наделать как можно больше шума и круша тонкие перегородки. На шум к месту потасовки уже бежали самураи, Александр выскочил навстречу и, приметив Оми, кинулся ему в ноги.

– Оми-сама, помогите мне, пожалуйста. Спасите! – прокричал он на ломаном японском. – Оми-сама – я капитан этого корабля, я поддерживаю здесь порядок, а моя команда подняла бунт против меня. Помогите, пожалуйста, накажите их за неповиновение.

Оми отдал короткий приказ, и в то же мгновение ворвавшиеся в комнату самураи успокоили потасовку, оглушив тройку самых буйных и связав остальных. Оми снова что-то гавкнул. Мимо них протащили упирающихся, орущих проклятия и скулящих от страха матросов.

Глава 6 Ябу-сан

*Философы говорят, что следует стремиться к золотой середине во всем. Самурай должен достичь золотой середины. Помедитировать в центре и идти дальше. Путь самурая как направленная стрела.
Из изречений господина Тода Хиромацу*

Ал ел рис в полном одиночестве в большой и словно осиротевшей после выдворения оттуда команды комнате. Порядок был восстановлен, сквозь тонкую рисовую бумагу на Ала изливался свет луны. Он сам попросил не приносить дополнительного света, желая побыть какое-то время в одиночестве.

На душе было беспокойно. Он думал о морях, которых предал и которые, быть может, уже сейчас сидят в яме, сетуя на судьбу и проклиная его на чем свет стоит.

«Муки совести, этого еще не хватало, – обругал он себя, – предал, но кого? Людей, которые жили в начале семнадцатого века? Книжных героев? Или еще того веселее – виртуальных персонажей?! Глупости!»

Да, за все свои компьютерные жизни Ал истребил бесчисленное количество монстров, посылал в бой, часто и на неминуемую гибель, целые армии, терял друзей. Но все это было не то. Винк, Питерзон, Крок, другие – были совсем как он. Проблема заключалась в том, что все они были слишком живыми, чересчур настоящими, хотя этого, конечно, не могло быть.

Ал отправил в рот еще немного риса и запил бульоном из мидий. И рис, и бульон имели вкус. Более того, они имели вкус традиционной японской кухни.

«Если я поднесу руку к пламени или меня ударят, я почувствую боль. А это значит, что, если с командой что-нибудь случится, я буду испытывать чувство вины, потому что сам послал их на гибель».

Он встал и прошелся по комнате. Циновки были приятными на ощупь, ступать по ним босыми ногами доставляло удовольствие.

«Надо успокоиться», – Ал сел и попытался остановить поток мыслей, слушая, казалось, нарастающее с каждой минутой пение цикад.

Ничего не получилось. Перед глазами стояли картины из «Сегуна» – смерть Питерсона, пытка юнги. «Вот как, наверное, чувствуют себя провидцы. Погано чувствуют. Ведь я знаю, что негодник завтра должен погибнуть, а юнгу посадят в котел, чтобы сломить гордый нрав Блэкторна. Я читал все это много раз и все равно предал их всех. Отдал на заклятие. Я и никто другой! – Ал хотел поспорить сам с собой, выдвинуть прежние аргументы, но добился только того, что снова обругал себя. – Не стоит прикрываться книгой и тем, что все уже было написано. Ты попал сюда, Блэкторн сошел с ума. Сколько еще будет помех и несоответствий? Быть может, и команда не должна была попасть в яму, ведь, по книге, в яму они попадают после того, как даймё беседует с кормчим и тот нападает на священника и топчет распытье. Здесь же никакой встречи не было, а значит, не отправь я команду в яму, они сейчас спокойно ели бы рис, травили морские байки и жаловались на судьбу».

Но с другой стороны – что оставалось делать? Команда ни за что не признала бы его капитаном, а значит, без Блэкторна они легко могли бы сделаться жертвами иезуитов. Теперь же, напуганные и мысленно распрощавшись со своими трижды проклятыми жизнями, они вынуждены будут искать в нем защиты и заступничества перед властями.

А значит – все верно. Что же касается матросни, то, учитывая их нелюбовь к чистоте, одна ночь в помоях не слишком сильно повлияет на их тонкие вкусы и ранимые души.

Ал отодвинул сёдзи и, бесшумно ступая, прошел через коридор, оказавшись на крыльце.

Первое, что увидел Ал, была луна. Огромная, она висела напротив лица геймера, изливая на него свой мистический свет.

– *Комбан-ва, Тсуки-сама!* Добрый вечер, госпожа Луна! – невольно вырвалось у Александра. Он нащупал на полке сандалии и, надев их прямо на голые ноги, вышел в сад. Охраны как будто не было. Не замеченный никем, Ал скользнул на улицу.

Луна светила со стороны бухты. Должно быть, там, над водой, она была особенно прекрасной. Мимо Ала прошла стайка девушек, в руках одной из них был изящный деревянный ящичек, две другие несли рыбу и фрукты. При виде чужеземца они начали шептаться, украдкой бросая на него любопытные взгляды.

– *Комбан-ва,* – поздоровался Ал, и ему ответили.

Где-то залаяла собака. Александр свернул у приметной хижины с мандариновым садиком и увидел море.

Луна здесь действительно выглядела царственной богиней ночи. Легкий бриз чуть касался своими крылами поверхности воды, отчего та сделалась похожей на чешую морского дракона. Казалось, словно луна истекает в море волшебным серебряным эликсиром. И затем она – волна за волной, блестя и переливаясь – течет к нему, к Алу, чтобы напитать его своим светом и сиянием. Волна за волной, волна за волной...

Вдруг Александр осознал, что он не один и, кроме него, здесь есть еще кто-то. Он медленно повернулся и увидел величественную фигуру Ябу. Конечно, прежде Ал никогда не видел даймё, но это мог быть только он. Гордый, своенравный и коварный князь провинции Индзу. Мечи даймё сверкали в лунном свете так, словно ночная повелительница напитала их своей силой. Но Ала поразило не количество оружия на даймё. Его лицо – спокойное и безмятежное, словно маска медитирующего Будды, – резко контрастировало с глазами.

Рискуя быть пойманным, Ал уставился на лицо даймё, но вскоре был вынужден ответить взгляд. Глаза были яркими и блестящими до такой степени, что казались светящимися в ночи.

Ал проследил за взглядом Касиги Ябу и догадался, что тот смотрит на галеру. На которой, согласно книге, должен был прибыть друг Таранаги Хиромаци, прозванный среди самураев Железным Кулаком. Этот самый Хиромаци должен был в дальнейшем сыграть определенную роль в намечающемся спектакле, да и в жизни Блэкторна. Но сейчас об этом не следовало особо задумываться. Если галера здесь, значит, Ябу уже потерял власть и над кораблем, и над командой, и над его – Ала – судьбой. Стало быть, Ябу кипит от злости, пытается вычислить предателя, сдавшего его главному даймё страны Таранаги.

«А ведь я могу ответить на твой вопрос, Ябу-сама. Я знаю, кто послал голубя Таранаге. Это Мура – один из руководителей его шпионской сети», – подумал Ал.

Появилась бредовая мысль – рассказать об этом Ябу. Предложить ему не отдавать корабль, а вместо этого вооружить своих самураев имеющимися на борту мушкетами, построить другие корабли и, заручившись поддержкой остальных даймё, покончить с Таранагой и малолетним сыном Тайку, став военным правителем – сёгуном.

Идея казалась безумной, но одновременно с тем вполне выполнимой. Ал лихорадочно соображал. Сдать Муру, но нет никаких доказательств его вины.

А разве пришедшая по пятам Ябу галера не ярчайшее свидетельство наличия предателя? А раз так, у Ябу будет возможность попытаться старосту, и, может, тот расколется.

В этом случае Ал с гарантией спасает команду. Они необходимы Ябу-сан как специалисты в своем деле – причем каждый на вес золота. Станет Ябу выбрасывать в море золото, при помощи которого можно получить власть? Вряд ли.

Конечно, отказавшись отдать Таранаги корабль, Ябу придется перебить присланных на Андзиро самураев. И Таранага будет просто обязан произвести ответные действия. Но что могут луки и мечи против кремневых ружей, мушкетов и пушек?

Кроме того, в Японии нет флота, только джонки, которые не отходят далеко от берега. А значит, если Ябу приобретает хотя бы один боевой корабль, он получает возможность контролировать границы. Корабль – это не крепость, стоящая в определенном месте, это подвижная крепость, которая будет курсировать вокруг японских островов, не давая местным даймё и самому Таранаге носа высунуть из-за укреплений.

Ал перевел дух. Конечно, в этом случае он обрывал линию книги, уходя на запасной путь, но игра, как кажется, стоила свеч. Сделать Ябу сегуном, а себя... и тут Александр осекся. Если уж выводить кого-то в верховные командующие – так Таранагу. Потому как со времен воцарения безродного крестьянина, ставшего легендарным Тайку, законы изменились. И желающему подмять под себя остальных даймё сперва следует пройти длинную иерархическую лестницу. По книге, Таранага уже сейчас главный даймё в стране, он в шаге от поста сегуна – он член Совета регентов и находится в родственных отношениях с семьей Тайку. Что же касается Ябу – он скоро станет союзником и вассалом Таранаги. Конечно, бывает такое, что воинственный вассал скидывает своего господина, присваивая себе трон и корону по праву сильнейшего. Не раз так бывало и в истории Японии, но вот хватит ли амбиций у Ябу?

По книге, он страстно желал власти, но при этом ничего и не предпринимал, неделями ожидая вызова к начальству, получая лишь вежливые отказы. Вот и ответ: тот, кто хочет мечтать, – мечтает. Ставить нужно на того, кто реально кует победу. На Таранагу!

Ал еще раз посмотрел на Ябу и отправился обратно в деревню. Когда его тень скрылась из вида, Ябу вздохнул, разминая затекшие суставы.

«Варвар явно пытался что-то сказать? Но вот только что?» – Внутренним чутьем даймё знал, что его карма и карма таинственного Золотого Варвара, как он его называл, связаны.

Мало того, приехавший пять лет назад в Эдо⁵ китайский астролог предсказал ему эту встречу. На его земле, в год, когда третьему внуку исполнится шесть лет. С этими новыми варварами связывалась надежда на новый поворот в жизни. И вот теперь Золотой Варвар ушел, не обронив ни единого слова. Тайна едва-едва приоткрыла полупрозрачные седзи, и вот он опять стоит перед запертой дверью.

Но действительно ли запертой? Быть может, Золотой Варвар решил, что еще не время. Он мог приглядываться, искать подходящие слова. Как жалко, что я не могу говорить с ним без переводчика. Быть может, тогда я сумел бы, сделав его своим вассалом, получить столь необходимую мне власть над морем или, по крайней мере, выяснил, какие мысли посещали его, когда он смотрел на луну? Быть может, варвар написал стихотворение. Хотя это вряд ли – всем известно, что белые варвары нечутки к поэзии.

⁵ Эдо – старое название Токио.

Глава 7

Ванна от Оми-сан

Достигнув золотой середины, самурай может помедитировать там, но еще лучше, если он совершит там сэппуку.

Из мудрых изречений самурая Тода Бунтаро

Ал попытался протереть глаза, и неожиданно это ему удалось. Ал лежал в луже нечистот – рыбы головы и потроха, гнилые водоросли, грязь, смрад и целое полчище мух.

С трудом преодолевая рвотные спазмы, Ал сел. Он находился в яме два на два. Рядом с ним сидели, лежали и стояли сданные им же властям моряки голландского капера «Лифде», который он по привычке продолжал именовать звучным именем «Эразм».

– Ты жив, негоциант? – подскочил к нему Крок. – Ничего не сломал себе при падении?

– Каком падении? – не понял Ал, поднимаясь и отряхиваясь от мерзкой жижи. На его место тут же плюхнулся Корф.

– Тебя косоглазые ночью приволокли и сбросили к нам.

Ал автоматически посмотрел вверх, оценивая расстояние. Теперь он и сам вспомнил, как его разбудили посреди ночи самураи. И как он надавал двоим или троим по шеем. Хотя правильнее было бы сказать – они ему.

– Ну что, вспомнил? – тормозил его юнга.

В этот момент воздух огласил нечеловеческий вопль, заставивший сидящих в яме людей съежиться. Кто-то начал читать молитву, кто-то попытался заткнуть пальцами уши.

– Кто?

– Питерзон, – выдохнул Винк, то и дело хлопая себя по щеке, он пытался расправиться с облепившими его мухами. – Мы вот что решили, господин Глюк. – Артиллерист старался не поднимать на Александра глаз. – Если все так получается – адмирал преставился, а кормчий... – Он сплюнул, кивнув в сторону неподвижно сидящего и смотрящего в одну точку Адамса. – Словом – ты капитан. Без тебя нам не сдюжить это дело. Питерзон первый. За ним очередь кормчего. Не знаю... Но, как ты капитан, иди и поговори с ними. Люди они, в конце концов, или нет... Да, еще прихвати с собой этого. – Он пнул ногой сидящего в углу и, подобно кормчему, смотрящего в одну точку японца. – Может, удастся обменять его жизнь на наши. Как-никак самурай.

– Не получится. Им плевать на жизнь.

Ал лихорадочно вспоминал главу, в которой вместе с моряками в яме оказался самурай.

«Ну да. Оми сказал, что пощадит всех, кроме одного, кого, должна была решить команда. Все тянули соломинки, выпало идти, кажется, Винку, но в последний момент Блэкторн устроил потасовку. В результате которой один из самураев низвергнулся в яму, и Оми забрал первого попавшегося, а именно беднягу Питерзона».

– Самурай велел подниматься Винку, но он от страха не мог даже пошевелиться. И тут кормчий... безумный, что с него взять, – прервал ход размышлений Крок. – В общем, мы схватились и... – Он беспомощно развел руками. – Я думал, заложник – хорошее дело...

– Насколько я знаю японцев, максимум, на что он может рассчитывать, это разрешение покончить жизнь самоубийством. Думаю, что, если это заслуженный воин, Оми позволит ему сделать себе сэппуку. Но только в яме. Ведь он провинился, не выполнил приказ, позволил взять себя в плен...

– Еще одну душу загубили, – завыл Корф. – Ой, чую я геенну огненную. Ой, попотчуют черти нас в аду угольками...

– А они сами выбрали Питерзона, вы не тянули жребий?

– Как можно... – Винк казался растерянным. – Ты бы еще сказал, кости бросили. Понимать нужно.

Ал задумался – сюжет начал изменяться, и это было не к добру. Потому как пока все идет как по-писаному – ты встречаешься лишь с теми, о ком тебе что-то известно, и это преимущество. Но стоит тебе только чуть-чуть отойти в сторону – ты ничего и никого не знаешь.

К яме кто-то подошел, Ал заметил тень, так, как если бы кто-то стоял в шаге от отверстия в земле, поджидая кого-то или подслушивая. Судя по тому, что часовые не окликнули его, это был кто-то из своих.

«Нужно срочно что-то предпринять, чтобы восстановить нить истории, – лихорадочно соображал Ал. – Ясно же, что уже само мое появление здесь прорвало тонкую канву событий. Когда камень падает в воду, по ее поверхности разбегаются круги. Но потом вода снова спокойна и безмятежна. И только в глубине ее камень.»

В истории был только один кормчий Адамс, в книге Блэкторн – это значит, я должен слиться с кормчим в одно целое. Отправиться вместе с ним в Осаку, убедить в своей полезности Таранагу».

Новый крик отвлек его от размышлений. По спине бежали мурашки.

«Нужно убедить японцев, что Уильям Адамс и я неразделимы. Что он не может функционировать без меня, а я без него. Потому что, если я просто назовусь кормчим, меня расколуют в первом же порту. Да что там в порту, по сюжету – ближайший экзамен по судоходству должен произойти уже в бухте Андзиро. На борту недавно причалившей галеры».

Ал ясно помнил эту сцену: португальский кормчий Васко Родригес, прежде чем принять Блэкторна на борт, устраивает ему форменное испытание. Что же он спросил? Какую-то широту... при всем своем, надо сказать, достаточно хорошем знании книги, Ал не заучивал морские термины. А зря...

Над ямой послышались шаги. Ал поднял голову и увидел Оми. Решетку поспешно убрали. Два самурая спускали вниз лестницу.

– Андзин-сан! – скомандовал Оми, показав рукой, что кормчий должен подняться к нему наверх.

Ал помог Адамсу подняться на ноги и, подведя его к лестнице, кивнул Оми.

– *Ваташи-ва цуяка дес.* Я переводчик.

Оми не прореагировал. В то время как Адамс с неожиданной прытью поднялся наверх. Ал попытался было последовать за ним, но следящий за лестницей самурай пригрозил мечом. Решетка вернулась на прежнее место. Ал услышал обращенные к нему со всех сторон отборнейшую брань и угрозы. Но даже не посмотрел в сторону клянущих его на чем свет стоит людей. Он знал, что при случае сумеет навешать им, даже если матросня полезет целым скопом.

Сейчас его больше интересовало то, что происходило наверху. То, что Оми, забрав Адамса, оставил лестницу, красноречиво говорило о том, что намечается продолжение разговора. И действительно, через пять минут к яме снова подлетели самураи, решетка поднялась и со стуком грохнулась об землю. Ал увидел ноги самурая, торопливо спускающегося по лестнице, и тут же его схватили за шиворот и потащили наверх.

– Полегче, мужики, какого черта?! – заорал он по-русски.

Ал щурился на солнце, силясь восстановить зрение и пытаясь увернуться от самураев, которые стягивали с него грязные вещи. Голова кружилась, он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Потом колени стукнулись о твердое. Александр нащупал руками землю и тут же лишился и этой опоры. Кто-то стянул с него мокрый, провонявший рыбой свитер, потом майку. С джинсами самураям пришлось повозиться, так что Алу удалось даже пару раз лягнуть противников.

Он услышал над головой отрывистый приказ, и тут же его поволокли куда-то, подняли, и в следующее мгновение он оказался в теплой воде.

«Слава богу. Это всего лишь ванна», – подумал Ал, умывая лицо, как вдруг обоняние донесло до него запах костерка. Ал открыл глаза и завопил что есть духу. Он сидел в большом котле, под которым самураи разводили огонь. Тут же стоял одетый в оранжевые одежды буддийского монаха, но с белыми четками в руках и распятым европеец. Должно быть, отец Себастья. В пяти шагах от котла находился Оми, и перед ним в позе медитирующего Будды сидел окончательно свихнувшийся Адамс.

Ал попытался взять себя в руки и не паниковать. Конечно, он помнил эту сцену в деталях. Только на его месте в котле должен был оказаться юнга. Почему выбрали его? Да потому, что он, как дурак, стоял у лестницы в поисках приключений на свою задницу. Дождался.

Оми снова о чем-то спросил кормчего, и священник сбивчиво перевел его слова. Грохот, производимый самураями у котла, заглушал весь разговор, так что невозможно было разобрать ни единого слова.

– *Даме!* – гаркнул Ал на устроивших возню самураев. – *Сачо-сан ханаши суру!* Отставить! Хозяин говорит!

На секунду самураи встали как вкопанные, видимо, уловив смысл коряво построенной фразы, а Оми прыснул.

Одобренный произведенным эффектом, Ал собрался с силами, готовя снаряд следующей фразы и одновременно с тем заставляя тело не реагировать на солидное повышение температуры воды. В конце концов, вода в котле не может закипеть за две минуты, а значит, пока незачем и паниковать.

– *Офуро аригато, Оми-сан!* Спасибо за ванну, господин Оми! – заорал он.

Оми резко развернулся и, сделав знак священнику и самураям, подошел к котлу.

– Кто ты такой? – спросил Оми, с интересом изучая Ала.

Такую простую фразу Ал перевел без помощи священника.

– Алекс Глюк. – Он сделал над собой усилие и приветливо улыбнулся Оми. – *Ваташи-ва то Адамсу-сан.* – Он кивнул в сторону кормчего. – *Андзин-сан дес.* Я и господин Адамс кормчие.

– *Втари?* Вдвоем?

Ал попытался подобрать японские слова, но не смог, вода нагревалась, сердце бешено колотилось, мысли путались.

– *Втари хонто.* Вдвоем, правда, – наконец изрек он, радуясь тому, что пока может не прибегать к помощи иезуита.

Оми произнес длинную фразу и, поскольку Ал ничего не понял, велел священнику переводить.

– Господин Оми спрашивает, что делают на борту корабля сразу два кормчих. У вас такой обычай? – нарочно растягивая слова, перевел отец Себастья.

– Мы работаем в две смены. Один несет вахту, другой спит, – нашелся Ал.

Над водой летала легкая дымка, снизу поднимался жар.

– Мы всегда вдвоем. Вы же видите – он безумен. Только я знаю его, только я могу заставить его работать.

– *Хонто?* Правда? – Лицо Оми выражало живой интерес.

– *Хай!* Да! – не дожидаясь перевода, гаркнул Ал.

– Господин Оми говорит, что если вы обещаете подчиняться ему во всем, будете делать все, что он ни скажет, и дадите слово за господина Адамса, господин Оми велит снова поселить вас в человеческом жилье и каждый день будет выпускать из ямы по одному из ваших людей. Вам это подходит?

– *Хай!* Да! – чуть было не заплакал Ал, сдерживая в себе стоны боли. Вода была еще вполне приемлемой температуры, в то время как днище раскалилось и больно жгло ноги и задницу.

– Кроме того, господин Оми хочет, чтобы вы больше не теряли контроля над своими людьми. В Японии любые попытки бунта против своего сюзерена караются немедленной и позорной смертью.

– *Хай!*

– Господин Оми говорит, что ваше имя по-японски звучит Арекусу Грюку – это трудно запомнить, что же касается имени вашего друга, оно и того хуже. Поэтому отныне и вас, и его будут звать одинаково – Андзин-сан. Андзин – кормчий по-японски, у них только самураи имеют имена, простой люд зовут по роду их занятий, рыбак, землекоп, носильщик. Это не обидно.

– Понятно. Дальше. – Ал начал задыхаться, сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

Оми снова заговорил, и Себастьян перевел:

– Господину Оми показалось, что вам понравилась ванна, которую он вам предоставил? Может, вам еще посидеть там?

Оми поднял красивые, точно женские, брови, оттягивая освобождение и проверяя крепость своего пленника.

– *Скоши отсуй.* Немножко горячо, – заставил себя улыбнуться Ал и потерял сознание.

Глава 8 На галере

Самурай должен часто смотреться в зеркало. Слуги не всегда подскажут самураю, что в его одежде непорядок. Природа слуг труслива, в то время как зеркала говорят правду.

Из изречений самурая Усаги Фудзико

Отдохнув остаток дня, помывшись и получив чистое кимоно, пояс, набедренную повязку, сандалии и белые носки, на которых один палец был отделен от остальных, все в двух комплектах – для него и Уильяма Адамса, Ал приготовился ждать дальнейших распоряжений, похоже, взявшего над ним шефство Оми.

Он помог слугам помыть и переодеть безразличного ко всему Адамса, по ходу дела придумав легенду их знакомства и дружбы. Эту историю он собирался рассказывать японцам, а значит, она должна была быть понятной им, вызывать какие-то чувства. Вышло неплохо.

Без особых проблем они погрузились на галеру, куда были перенесены уже все ящики с мушкетерами и ценным грузом «Лифде». Ал упал на койку кормчего и тут же уснул.

Когда он проснулся посреди ночи и вышел на палубу, он увидел, как таинственным образом оживший Уильям Адамс командует матросами, поощряемый сидящим в кресле кормчего толстяком-европейцем.

Позже, когда впереди замелькала береговая линия, испещренная осколками скал, толстяк взял управление галерой в свои руки, отпустив Адамса. Проходя мимо Ала, кормчий вежливо поздоровался с ним, похвалив погоду и сделав комплимент насчет знания Ала японского.

По книге они должны были попасть в шторм, но небо было спокойным, а воздух теплым и влажным.

«Опять несоответствие. А ведь этот шторм очень важен для всей дальнейшей судьбы Блэкторна, то есть Адамса, – рассуждал сам с собой Ал. – Во время шторма должно было смыть кормчего Родригеса, которого на следующий день спасли Блэкторн и Ябу-сан. Благодаря этому Родригес в дальнейшем платил английскому кормчему добром. Во всяком случае не отравил его, хотя руки и чесались. Теперь же причинно-следственные связи распались, как пережженные на солнце шторы».

Ал снова посмотрел на мнимого Родригеса и остался недоволен. По книге, это был толстый, но жизнерадостный и весьма коварный испанец. Настоящий морской волк и пират, каких мало, – сейчас перед Алом маячила спина какого-то ничтожества, бакалейщика Буанасье из «Трех мушкетеров» или трактирщика из «Сирано де Бержерака». Ал сплюнул и отвернулся.

«Необходимо собраться с мыслями, вспомнить, что там у них было в реальной истории». Для создания проекта игры по «Сегуну» ему приходилось почитать различные умные книги и копаться в Интернете.

«Так, сейчас у них апрель одна тысяча шестисотого года. Дату высадки команды Клавелл взял из реальной истории, и тут нет противоречий. Прекрасно. Это означает, что за пятьдесят лет до этого Тайку, а тогда безродный, злобный и весьма жестокий и опасный крестьянин, начал собирать вокруг себя головорезов, при помощи которых он захватывал одно небольшое владение за другим, вырезая непокорившихся и устанавливая повсеместно свою диктатуру.

С чего я взял, что разбойник, достигший величия, достойного императора, начал с завоеваний именно мелких деревень и крошечных провинций? Да потому что Япония и сама не особо велика, и к тому же в то время она была раздроблена на крошечные княжества, часто не превышающие размера рыбацкой деревеньки и разделенные между собой сточной канавой или обыкновенной тропинкой. Справиться с таким, с позволения сказать, княжеством для тогдашнего Тайку и его башибузуков было плевое дело. Зато, получив в свои владения деревню, они забирали рис и новых добровольцев в отряд.

Слава одерживающего победу за победой крестьянина вскоре дошла до многих самураев и даймё, некоторые из которых примкнули к нему, рассчитывая в конечном счете не только сохранить свои земли, но и приумножить их. Среди присоединившихся к Тайку были представители самых известных и почитаемых самурайских семей Японии – такие как Таранага, историческое имя Токугава Иэясу, и Города, настоящее имя Ода Нобунага.

Постепенно, действуя таким макаром, они подгрести под себя практически всю Японию, учредив единую власть. Вроде пока правильно. Сам Тайку, по книге – Накамура, по историческим документам – Тоётоми Хидэёси, прожил шестьдесят два года, немало для столь беспокойного воина.

После смерти Тайку Ода Нобунага и Токугава Иэясу продолжали его дела объединения Японии. Оба палачи еще те. Города, или Ода Нобунага, ни много ни мало, сжег буддийский храм, что мирно стоял и никому особо не мешал, на горе Хиэй, в который раз доказав, что сильный всегда прав. Его не скосили ни мстительный рок, ни стрелы врагов.

Так что в сорок восемь лет он, к большой радости противников, покончил с собой, оказавшись в окружении в Киотском замке.

После смерти Нобунага власть повисла на тончайшем волоске, подрастал, но еще не вошел в возраст компаку сын Хидэёси Тайку, и после кончины великого регента следовало выбрать другого, способного поддерживать порядок в стране правителя.

Был создан Совет регентов, председательствовал на котором Таранага, или Токугава Иэясу. Кроме него трон пытался захватить мерзкий персонаж Исидо, среди левых, но все равно достаточно сильных претендентов значилась мать наследника Особа».

Как будто пока все верно. Ал вытер пот со лба. Хотелось пить, но он не видел поблизости слуг, которых можно было отправить за водой. Гребцы спокойно делали свое дело, слушая барабан капитана, и их не хотелось отрывать.

Ал подумал, что критерием того, находится ли он в реальной Японии или все же в книге, будет служить то, как станут называть приближенные верховного даймё: Таранага – тогда он находится в романе, Токугава Иэясу – значит, произошло невозможное, и он в древней Японии.

«Что еще нужно будет как-то передать Таранаге или Токугава-сан? – Ал почесал в затылке. – А, вот что важно. В пятьдесят восьмом году по местному летоисчислению Токугава Иэясу издал указ „Охота за мечами“. Согласно этому указу, носить мечи разрешалось только самураям, которые становились привилегированным классом. Крестьяне должны были сдать все имеющееся у них оружие. Сначала сдавали добровольно, потом шла череда обысков. Не то чтобы все отобрали, японцы весьма хитрая нация, но бандитизма на дороге сделалось поменьше.

Правда, самураи и сейчас не гнушались, в качестве тренировки или желая исправить свое дурное настроение, срубить пару-тройку крестьянских голов. Но надо же понимать, что если после пятьдесят восьмого года подобные „шуточки“ могли себе позволить только самураи, до пятьдесят восьмого так „шутили“ абсолютно все!

Токугава закрепил за самураями, и только за ними, право военной службы, так что военные специальности отцов наследовали дети. Это было очень удобно уже потому, что крестьяне и ремесленники давным-давно уже передавали свое мастерство, инструменты и

крошечные наделы земли своим детям, те же, в случае разорения, шли в солдаты, тесня потомков самурайских родов и нередко обходя их. Токугава Иэясу повелел сапожнику воспитывать сапожника, крестьянину – крестьянина, а самураю – самурая.

Что потом? Потом Токугава Иэясу серьезным образом урезал права христианской церкви в Японии. Не то чтобы иезуиты ему сильно не нравились или он был набожным человеком, просто католики постоянно вмешивались во внутреннюю политику страны.

Токугава-сан Иэясу следовало выгнать попов из Японии вовсе, но он не сделал этого, так как планировал войну против Кореи и ему было нужно европейское оружие и суда.

Стоп. А не после ли появления Уильяма Адамса у Токугава-сан и появился этот замысел? – Складно получившаяся история снова начала разваливаться. – Когда Япония воевала с Кореей? А, вспомнил!» – Он хлопнул себя по лбу рукой.

Заметив этот жест, к нему подбежал тощий самурай, и Ал попросил его принести воды. Поклонившись, тот отправился исполнять приказ, немало, по всей видимости, удивляясь, каким жестом варвар подозвал его.

«Япония вторглась в Корею в 1592 году, и в 1598-м, то есть два года назад, война закончилась полным поражением самураев Тайку. В тот же год сам Тайку умер».

Теперь все более или менее вставало на свои места.

«После смерти Тайку Токугава Иэясу от имени его сына продолжил объединение страны. Что дальше?»

Посланный Алом за водой самурай принес чашку и, поклонившись, удалился.

«Хорошо было бы вспомнить, что у них там было дальше, и принести на блюдечке Таранаге.

Что же дальше? – Он смутно помнил, что наследник Тайку отчего-то выбрал своим главным городом Осаку, где правил в окружении политических противников своего отца. – А Токугава Иэясу? Он стал сегуном, то есть полевым командиром, и его ставка размещалась в Эдо, современном Токио. Теперь неплохо было бы выяснить когда?»

Он попытался подсчитать, выходило, что через три года. Это была удача. При случае рассказать Таранаге или Токугава-сан Иэясу о его дальнейшей судьбе и пробыть в его советники.

Ал оглядел работающих, как роботы, гребцов-самураев, с удивлением для себя обнаружив среди них даймё Ябу. Под стук барабана капитана команды гребцы совершали однообразные движения.

Лицо Ябу-сан оставалось безмятежным и спокойным, казалось, что физические упражнения доставляют ему удовольствие. Ал невольно представил за подобным занятием губернатора какого-нибудь города или области, но при всем его достаточно хорошем воображении ничего не получилось.

Спустившись в каюту кормчего, Ал растолкал решившего прикорнуть Адамса и рассказал ему придуманную для них двоих легенду их прошлой жизни. Убедившись в том, что кормчий запомнил все до мельчайших деталей, Ал отстал от него, отправившись на палубу любоваться восходом солнца.

В свете новорожденного солнца перед глазами Ала вставала прекрасная Осака. Розовый от утренних лучей город выглядел источающим свет. Казалось, что никакое зло, предательство и коварство не могут проникнуть за его крепостные стены, так велика была сила света в этом месте. Так прекрасно делалось на душе величественного даймё, скромного самурая или обычного рыбака, оторвавшегося от утреннего клева и глядящего теперь, как по небу шествует набирающее силы и жара светило.

Как прекрасна Осака на рассвете...

Глава 9

Тайны осакского замка

Одержимый не боится смерти, и с ним не могут справиться и десять человек. Человек, находящийся в твердом рассудке, видит опасность и не выйдет и против пяти противников.

Отсюда вывод: если хочешь достичь успеха в деле владения мечом – соблюди безумие!

Из изречений самурая Тода Бунтаро

По серым коридорам самого большого и укрепленного в стране осакского замка двигалась небольшая, но довольно-таки пышная и торжественная процессия: главный хранитель сокровищницы замка господин Омои, человек до глубины души честный и безоговорочно преданный своему господину и другу главному даймё Токугава Иэясу, следовал по личному вызову господина Исидо в одну из секретных комнат замка. Его сопровождал почетный караул из двадцати отборнейших самураев – десять в серых кимоно Исидо и столько же в коричневых Токугава Иэясу.

Конечно же, хранитель сокровищницы Тайку прекрасно знал расположение замка и мог явиться на встречу в окружении только своих слуг, но присланный за ним начальник стражи самым вежливым образом уговорил его вообще не брать своих людей, портя ими особо почетный караул, самураев в который подбирал лично Исидо.

Немало встревоженный таким положением дел, господин Омои только и успел, что шепнуть своей наложнице Каори, чтобы та немедленно предупредила Токугава Иэясу об аресте господина.

Омои-сан прекрасно знал, что Исидо ненавидит его, и молил Будду о том, чтобы последний ниспослал ему возможность умереть почетной смертью. И желательно, чтобы, когда он будет делать сэппуку, за спиной у него стоял преданный человек.

Они поднялись по узкой и достаточно крутой лестнице на нужный этаж, прошли по серому коридору и остановились около комнаты, в которой хранителя сокровищницы должен был ожидать комендант осакского замка. Один из стоящих ближе всего к Омои самурай вежливо отодвинул перед гостем дверь, в то время как другой быстро заткнул ему рот и пырнул ножом в бок. Омои-сан ввалился в комнату, раздирая промасленную бумагу седзи и поганя кровью чистые, белые татами. Из комнаты ему улыбался коварный Исидо, решивший, что перед смертью его враги должны не просто догадываться, кто их приказал порешить, но и видеть истинного убийцу.

Несколько секунд длилась агония, в течение которой господину Омои не удалось произнести ни звука. Наконец все кончилось. Появившиеся неведомо откуда слуги уволокли окровавленное тело, другие меняли погубленные татами, третьи чинили седзи.

Через несколько минут порядок был восстановлен, и наблюдающий за смертью врага Исидо дал знак вести следующего. На шахматной доске перед ним разворачивалась изумительная партия, где его серая армия доблестно сражалась против коричневой армии Токугава. Сейчас из авангарда великого даймё исчезла фигура ладьи. Что-то еще произойдет.

Он заглянул в лежащий тут же на маленьком китайском столике список, думая, какую фигуру в партии Токугава-но Иэясу может олицетворять следующий гость. И присвоив знаменитому военачальнику, которого также вознамерился погубить сегодня, фигуру офицера, приготовился ждать развязки.

* * *

Когда из ямы в деревеньке Андзиро был поднят последний член команды, упавший туда самурай продолжал медитировать.

– Простите мне мое вмешательство, Оми-сама, но Масахико-сан все еще в яме. – Подошедший к Оми начальник стражи показал в сторону ямы. – Прикажете охранять его дальше или...

Оми подошел к краю ямы и посмотрел на коленопреклоненного человека в ней.

– Позволите ли вы ему совершить сэппуку? – вежливо осведомился начальник охраны.

На мгновение Оми задумался, как бы взвешивая в уме заслуги и провинности самурая.

– Нет. Я должен все как следует обдумать, Накана-сан. Пусть ожидает моего решения в яме. Что же касается охраны, то... – Он лениво обернулся и, встретившись взглядом с проходящим мимо самураем, велел ему подойти. – Ты останешься охранять яму, – не глядя приказал он. – Вы же, Накана-сан, можете отдохнуть. – Трое караульных и начальник стражи поклонились и поспешили исчезнуть с глаз долой, в то время как новоявленный охранник занял свое место, усевшись около ямы.

Приблизительно через полчаса он встал и, убедившись, что поблизости никого нет, опустил в яму лестницу. Масахико тут же поднялся на ноги и бесшумно, точно кошка, взобрался по ней. Его тело было сильным и грациозным, а ноги не болели от долгого сидения на пятках.

Вместе они нырнули в барак, воздвигнутый исключительно для нужд дежуривших в гавани военных. Там бывший пленный брезгливо сбросил с себя вывалянное в нечистотах кимоно и набедренную повязку, принял приготовленную для него ванну и переделался во все чистое.

Прикрывая веером лицо, он дошел до дома Оми, войдя через открытую специально для него калитку.

Оми и Ябу уже ждали его, угощаясь чаем и *укашми*⁶, привезенными даймё из Киото. При виде начальства шпион Масахико упал на колени, ткнувшись лбом в циновку.

– Мы рады, что тебе удалось уцелеть среди этих варваров, – ободряюще улыбнулся ему Оми. – Расскажи обо всем, что тебе довелось услышать, пока ты сидел там.

– Пусть сначала скажет, как ему удалось уцелеть, – прервал племянника Ябу.

– Единственным опасным моментом в этом деле было падение в самую яму. Я боялся, что если я ненароком зашибу кого-нибудь из принадлежащих вам пленников, то нанесу урон Ябу-сама и покрою свое имя несмываемым позором, – поклонившись, сообщил он. – Все остальное оказалось неопасным. Артиллерист Винуку-сан и юнга Кроку-сан хотели использовать меня в качестве заложника, в то время как Золотой Варвар объяснил остальным, что позволивший взять себя в плен самурай, по сути, мертвец. Он предположил, что в лучшем случае меня ожидает разрешение совершить самоубийство, причем Оми-сан позволит мне совершить сэппуку прямо в яме, не поднимаясь вверх. Я взвесил в уме все «за» и «против» и был вынужден согласиться с ним. Такое разрешение было бы справедливым и очень благородным, очень.

Ябу скривился. Одна мысль, что ему предстоит слушать не голые факты, а еще и измышления шпиона... переполняла его плохо скрываемой яростью, но Масахико был лучшим его шпионом в Эдо. Кроме того, он свободно говорил на языках варваров. На португальском и английском, а значит, его следовало выслушать, вооружившись терпением.

⁶ *Укаши* – традиционные японские сласти.

«Чего-чего, а терпение у меня есть, – успокаивал сам себя Ябу. – Другой вопрос, почему Оми, зная, что Масахико можно использовать в качестве переводчика, сунул его в яму?! Ведь теперь следует немедленно отправить его обратно в Эдо. А потом, по традиции, обезглавить какого-нибудь рыбака и совершить над ним похоронный обряд. Хорошими шпионами не разбрасываются. Они на вес золота, тем более такие, как Масахико. Но с другой стороны, все в руках Будды. И жизнь и смерть, и новая отсрочка переговоров.

Быть может, Масахико сослужит более серьезную службу в будущем. Что же касается Золотого Варвара, то он, скорее всего, еще не готов, а значит, если я раскрою Масахико, я потеряю шпиона и не сумею сделать своим вассалом Золотого Варвара. А значит, все правильно и своевременно. Время еще не настало, и зачем его торопить – не в этой, так в следующей жизни, но Золотой Варвар будет моим!»

Глава 10

Повелитель вод

– Я знаю человека, который причиняет зло другим людям, – сказал буддийский монах своему настоятелю.

– Кто этот человек, и в чем состоит зло, причиняемое им? – спросил настоятель.

– Это ваш сегодняшний посетитель, господин, – смиренно ответил монах. – Помните, он пришел с приятелем и начал расхваливать его достоинства. Но все ведь знают, что когда человека хвалят, это делает его надменным. Следовательно, хвалящий приносит вред!

Из разрешенных цензурой китайских историй

Водные просторы должны были рано или поздно подчиниться клану Касиги. А кому еще, я вас спрашиваю? Ведь согласно легенде двести лет назад или около того даймё Эгава Касиги победил демона наводнения, подчинив его своей воле.

Было это так. Касиги со своими четырьмястами самураями должен был перейти вброд небольшую речушку, пройти сквозь деревеньку и за холмом соединиться с силами своего побратима. Прямо скажем, на первый взгляд, задача не бог весть какая.

Но на стороне врагов были сильнейшие колдуны и маги, и вот за две недели до разлива реки вдруг полил невероятный дождь. Черные тучи сгрудились над головами людей, так что в считанные секунды сделалось темно, точно ночью. Но самураи не дрогнули. Не представляя, что им уготовила карма, даймё приказал своим людям устроить привал и сам юркнул в походный шатер, надеясь немножко выспаться.

Но не тут-то было: вдруг колдовские тучи прорвались белой молнией и с неба низверглись потоки воды. Так что крохотный шатер даймё тут же весь промок, а Касиги оказался в воде. Слава Будде, что его тут же растолкал оруженосец, не то захлебнулся бы даймё Эгава из рода Касиги и умер недоброй и непочетной смертью.

Дождь был таким сильным, что люди едва могли дышать. Осмотревшись вокруг, хотя, что смотри, что не смотри, видимость была хуже некуда, даймё, скорее, вспомнил, нежели углядел нависающий над дорогой козырек скалы, под которой можно было разместиться, и велел идти туда.

На самом деле самурай создан из особого сплава воли и послушания, самурай в огне не горит и в воде не тонет. Или, во всяком случае, не стонет, как глупый крестьянин, и не проклинает свою судьбу. Самурай никогда не жалуется на холод, жару или иные неудобства, а если и плачет, то расчувствовавшись над каким-нибудь стихотворением или жалостливой песней. Так что Касиги мог и не прятать своих людей, да больно не хотелось, чтобы прославленные бойцы затем хлюпали носами перед союзниками. Вот еще – позориться.

Дождь лил и лил, разбухли рисовые поля, а дороги превратились в скользкое месиво. Даймё сидел на камне, любуясь на разбушевавшуюся стихию, и думал, что ему делать. Три дня его самураи ютились под скалой, не имея возможности даже костра развести. На четвертый дождь сделался послабее, и даймё дал команду подниматься и идти к реке.

Но тут же выяснилось, что ни к какой реке идти не нужно, так как принуждаемая трехдневным ливнем река сама вышла из берегов и пришла к даймё. Огромные черные волны, подобно взбесившемуся табуна диких лошадей, неслись теперь в долину, сметая все на своем пути.

«Этого еще не хватало!» – подумал Касиги и приказал своим самураям переправляться на другой берег. Но едва первые четыре конника вошли в воду, как колдовские волны подхватили их и потащили вниз. Напрасно самураи кидали в воду веревки, напрасно смельчаки пытались вытащить друзей из воды, их унесла река.

Не поверив собственным глазам, даймё приказал следующей четверке войти в воду, и те выполнили приказ, тотчас скрывшись под водой.

Касиги почувствовал дурноту. Нет, он не боялся смерти, все знают, что смерть не что иное, как избавление от страданий, он боялся, что не сможет встретиться с побратимом и покроет себя несмываемым позором.

Не зная, что предпринять, Касиги призвал к себе сопровождающего отряд монаха и велел ему приготовить все для богослужения. Приготовление не было долгим, и вскоре даймё уже стукнул в гонг, призывая kami этих мест. Долго он умолял местных богов и духов, обещая им богатые жертвы и новые жилища. Kami не хотели говорить с чужим, пришедшим на их земли князем.

Только, одетый в древние доспехи, явился полубезумный бог – покровитель военных Бисямонтэн, который начал советовать князю порубить взбесившуюся воду, доказав на деле, кто здесь хозяин.

«Рубить воду?» Касиги подумал было, что сходит с ума. Как должны были смотреть на него его люди, если он вдруг отдаст приказ рубить мечами воду?

Не доверяя военному богу, князь решился на давнее и давным-давно опробованное средство – принести воде жертву. Жертвой были избраны все жены и полковые наложницы воинов, идущих с даймё Касиги.

В одну секунду лагерь наполнился стоном и плачем. Впрочем, никто не посмел ослушаться воли князя, и вскоре в лагере осталась одна-единственная женщина, принадлежавшая самому Касиги. Любимая чужой расы, прекрасная, как небесная богиня, которую он взял наложницей и думал после успеха в войне назвать супругой.

Получив жертву, река и не подумала хотя бы немного втянуть в себя воды и дать возможность воинам Касиги перебраться на другой берег.

«Руби мечами воду! Бей ее из луков! Коли копьями!» – разорвался Бисямонтэн.

Касиги смотрел на дождь, которому, казалось, не было конца.

Наложница подошла к даймё и, ласково улыбнувшись, подала чашечку с *sake*⁷.

Касиги вздохнул и велел бросить в воду любимую женщину. Такая жертва не могла не подействовать на взбесившуюся воду, но она не принесла ровным счетом никакой пользы. Только напрасно загубил ни в чем не повинную душу и нанес себе рану.

«Руби воду. Бей ее, убивай водного духа!» – требовал бог войны.

Ничего не поделаешь, других советов все равно не было, и, не отрывая глаз от алтаря, даймё приказал своему помощнику послать лучших воинов отряда атаковать мешающую реку.

Приказ был исполнен, и три лучших воина вместе с конями полетели в воду, правда, на этот раз стихия не погребла в своей пучине славных бойцов, так как к их талиям были прикручены крепчайшие веревки. Следующая тройка лучников обстреляла бушующие волны, за ними последовали метатели копий.

И тут случилось страшное. Когда черное копьё одного наиболее сильного и умелого самурая исчезло в середине реки, окрестности огласил жалобный стон, от которого кровь застыла в жилах. Несколько лошадей, пораженные ужасным звуком, вырвались и бросились в воду. Двое или трое воинов лишились чувств.

⁷ *Sake* (яп). В Японии sake называется любая алкогольная продукция. В данном случае рисовая водка. Поэтому вы либо говорите японское sake, либо называете другое название алкоголя.

Из воды показала уродливую голову огромная змеюка – истинный хозяин воды, изолба которой торчало копьё.

Истекая кровью, водная змея упала обратно в волны, после чего вода начала отступать.

Обрадованные таким поворотом дел самураи Касиги уже все вместе бросились лупить воду, и вскоре ее сделалось столько, что можно было спокойно перейти на другую сторону.

За этот бессмертный подвиг даймё Касиги и все Касиги, живущие после него, считались повелителями воды.

Так кому же иметь свой флот и управлять водой, если не клану Касиги, один раз уже победившему грозную стихию, доказавшему всей Японии, что именно они – Касиги – являются подлинными повелителями воды.

Глава 11

Замок в Осаке

Люди говорят – плохая примета. Самурай не должен верить в то, что вслед за черным вороном или черной кошкой в его дом придет беда. Думая так, самурай соглашается с закономерностью пребывания в его доме несчастья и впускает его туда.

*Отсюда правило: самурай не верит в приметы.
Из изречений даймё Токугава-но Иэясу*

Как и большинство замков того времени, замок в Осаке отделялся от остального мира кольцом рва, наполненным водой. В свою двухнедельную поездку в Японию Ал бывал в замке и теперь удивлялся схожести и одновременно с этим пропастью различий. Осацкий замок, в котором он гулял вместе с экскурсионной группой, был новым, отстроеным по уцелевшим чертежам сразу же после войны. Тем не менее Ал смотрел на стены замка и не видел в них каких-нибудь существенных отличий от знакомой копии.

Отсутствовали праздничные лотки торговцев пирожками с осьминожками тако, не было праздно шатающихся толп народа.

Последнее обстоятельство радовало. Ал вообще не любил находиться в толпе, ходишь как баран, ничего не потрогать, нигде не ползти. Впрочем, бдительная, хоть и малочисленная, охрана из самураев сто против одного не дала бы чужестранцу выкинуть что-нибудь подобное.

Мост украшали собой посты самураев по одному на каждом берегу. Тут же были выстроены отсутствующие в двадцать первом веке аккуратные деревянные будочки, в которых несшие службу воины могли, не роняя при этом своего достоинства, скажем, отсидеться в дождь. В то время человеческая жизнь могла не стоить и протертой медной монеты. Тем не менее никто не позволил бы портить вид собственного замка замерзшими и прозябшими до костей горе-вояками. И если при любых обстоятельствах самурай должен был прежде всего оставаться самураем – быть чистым, хорошо одетым и умеющим держать себя в руках, что же говорить о знати, вся жизнь которой нередко выстраивалась вокруг поддержания себя на достаточно высоком уровне – золотой философской середины.

Самурай всегда должен был быть начеку, готовиться к встрече со смертью, перед которой он просто не имел права показаться с запыленными сандалиями, небрежно сделанным самурайским пучком или, не приведи Будда, с неначищенным оружием!

Среди провожающих Ала в замок самураев не было Ябу. Впрочем, это и не расходилось с текстом Клавелла, что радовало.

Ябу не было рядом. Зато Хиромацу, тот самый военачальник, которого Токугава Иэясу послал в Андзиро за Ябу и кормчими, восседал в своем дорожном паланкине, прямой и грозный; коричневое дорогое кимоно с пятью знаками отличия клана Токугава прекрасно гармонировало с черным блестящим поясом, из-за которого торчали рукояти мечей. Самурай, составляющие почетный эскорт военачальника, были одеты в алое, они несли знамена с гербом рода Токугава.

У ворот Хиромацу передал начальнику стражи пропуск, после чего последовала череда церемониальных поклонов. Не смея вздохнуть, Ал разглядывал все это великолепие – мир, в котором он так мечтал оказаться.

Крепостная стена состояла из огромнейших темно-серых блоков, аккуратно вырезанных из камня, разрушить которые, наверное, не могло ни одно стенобитное орудие семнадцатого века. Развалили бомбы во время Второй мировой войны. Но только развалили. Почему-

то Ал был уверен, что японцы не привозили на строительство новых каменных блоков, а выложили стены из тех, что остались после бомбежки, как дети возводят свои крепости из кубиков.

Стены в XXI веке выглядели точно так же, как те, на которые смотрел теперь Ал, без следов раствора, блоки держались на месте своим весом. Как тогда сказала экскурсовод? Пятьдесят тонн каждый. Однако...

Следующие ворота и новые проверки документов, новые поклоны, новые подозрительные взгляды.

Было удивительно, что такая шишка, как Хиромацу, которого в Осаке и тем более в замке должна была знать каждая собака, спокойно вручал свой пропуск, кланялся и отвечал на вопросы. На его месте Ал давно бы уже взорвался и наорал на неторопливых стражников, а то и потребовал бы вызвать начальника.

Новые ворота. Новая, еще более серьезная проверка. Начальник стражи дотошно разглядывал паланкин, стражу и особенно золотоволосого иностранца.

Для приема у Таранаги Ал решил воспользоваться имиджем короля Артура, которого играл три года назад. Поэтому он расчесал заплетенную ему после бани служанкой косичку, отчего сделался похожим на автопортрет Дюрера, с тем различием, что Ал не носил бородку. Золотые волосы рассыпались по его коричневому кимоно со знаками Таранаги венецианской прической. Они были ниже плеч и светились на солнце. Ал поздравил себя с этим эффектом. В конце концов, глупо косить под самурая, если родился с европейской внешностью.

Самураем нужно было родиться, и подделки тут не каналы.

Что же касается такой экзотической черточки, как кимоно, оби и сандалии, так они на самом деле подходили ему так, словно неведомые мастера создавали эти вещи по его личному заказу. Не хватало только оружия, которое носили все самураи. И без которого Ал выглядел, как какой-нибудь вшивый крестьянин или рыбак.

Но право носить оружие, равно как и остальные привилегии, следовало заслужить.

Поглядевшись в лакированный поднос, Ал остался доволен своим видом. Прислуживавшая ему девушка не могла оторвать взгляда от струящегося золота его волос и голубых глаз.

На самом деле она была здорово напугана внешностью Ала, но правила хорошего тона не позволяли ей поддаться собственным страхам и убежать, как бы это сделала на ее месте неотесанная крестьянка. Она была из самурайского рода, чьи уважаемые предки на протяжении уже семи поколений служили роду Хиромацу. Поэтому она подавила в себе неприличный страх и улыбалась Алу, расхваливая его странный вид и стараясь не замечать навещающие на нее ужас глаза Золотого Варвара.

Ал отвлекся на свои воспоминания и пропустил новую остановку и новые проверки документов. Они миновали наконец мост, дальше дорога поворачивала направо, именно так, как водили экскурсии. Проехали мимо хорошо укрепленных домов, предназначенных, должно быть, для самураев, с дополнительными оборонительными стенами, уступающими в высоте главной крепостной стене. Лестницы, дорожки, закрытые и открытые двери, очередной пост. По мере продвижения к сердцу замка контроль усиливался.

Поднялась опускная решетка, снова ров с водой и снова бесконечные посты, переходы – стены, стены, стены. Поражало обилие военных. Все в серых кимоно – целые отряды и отдельные подразделения. Тысячи тысяч с выбритыми лбами и сияющим серебром оружием.

Замок строился навечно. Чтобы его было невозможно покорить и разрушить. Казалось, что кто-то великий и неизмеримо могущественный вложил свою негибаемую волю и свою живую душу в эти неприступные стены. Чтобы стоял он на зависть следующим поколениям,

молчаливый, суровый, невероятный и прекрасный исполин, над всей невероятной и прекрасной Японией.

О том, что они достигли последних ворот, Ал догадался по тому, что Хиромацу наконец выбрался из паланкина и, отпустив самураев, дал знак Алу следовать за ним. Двор, в который они прошли, охраняли самураи, одетые в коричневые кимоно Таранаги, или, как его там, Токугава-сан, следовательно, они достигли территории великого даймё, к которому направлялся Хиромацу.

Ал сразу же разглядел изящный садик и невольно залюбовался цветами, но Хиромацу показал ему знаками, что здесь не следует задерживаться. Они скинули обувь. Ал шел сразу же за Хиромацу, чувствуя исходящую от него силу и уверенность.

Мягкие татами под ногами были приятными на ощупь. Они шли по длинному коридору, где навстречу то и дело выходили самураи в коричневом. При виде великого военачальника они кланялись, многие затевали разговор с Хиромацу. Тот односложно отвечал, кланяясь.

Впереди была лестница, они на одном дыхании поднялись на несколько этажей и свернули в освещенный масляными лампами проход. Возле последней двери дежурили особо подготовленные стражи, все лично подобранные Хиромацу. Многие годы старик считался лучшим и наивернейшим телохранителем Таранаги, или Токугава-сан. Он не любил отлучаться от своего господина, но, поскольку это все же иногда приходилось делать, предпочитал набирать всех офицеров охраны самостоятельно, вышколивая их по своей собственной методике.

Все они были отпрысками благородных родов. Но одновременно с тем все они являлись непревзойденными мастерами: мечниками, лучниками и, естественно, шпионами.

При одном взгляде на этих воинов сердце старого Хиромацу наполнялось гордостью.

Командовал охраной пятый сын господина, Нага. Этот семнадцатилетний юноша единственный во всей охране вызывал подозрение и непроходящую головную боль старого Хиромацу. Вспыльчивый и скорый на расправу, Нага предпочитал сначала рубить, а потом уже разбираться, кто прав, а кто виноват.

До сих пор молниеносная реакция Наги и упорное нежелание думать самому, а лишь подчиняться велению своего меча и своим инстинктам выручали юнца, доказывая его правоту.

«Но ведь не всегда же все будет так. В один прекрасный день, проснувшись от легкого шороха за седзи, он разрубит собственного отца, и тогда... – Но Хиромацу не хотелось думать, что будет после смерти господина. – Тогда будет править Хидэтада, его второй сын и законный наследник. Потому что первый болен неизлечимым китайским сифилисом, а с такой болезнью какой он, к темным ками, командир. Пускай первенец уйдет с позором в великую пустоту, где его, несомненно, заждались все те, кого он туда уже отправил. Слава Будде – народец в Японии не переводится, и женщины успевают рожать новых воинов».

Послышались слова приветствия. Ал физически ощущал нарастающее в нем напряжение. Через несколько минут он увидит Таранагу или Токугаву. От того, кто это будет, будет зависеть его дальнейшая жизнь. Таранага – и он может смело руководиться заученным текстом, Токугава – и можно будет кричать караул! Ноги казались ватными, голова кружилась, во рту пересохло.

Ал скорее ощутил, чем увидел, как руки охранников начали обыскивать его, пытаясь обнаружить спрятанное оружие, но приказал себе не думать о них.

Его внимание было приковано к полупрозрачным седзи, которые вдруг дрогнули и отодвинулись в сторону, открывая перед Хиромацу и Алом небольшую комнату с мягкими татами цвета слоновой кости и разложенными подушками. Напротив двери он увидел чуть поднимающийся от пола подиум и высокого японца в черной одежде, плечи которого были

увеличены, отчего напоминали крылья хищной птицы. Это был Ёси Таранага-но Миновара – великий даймё и человек, который, точно магнит, притягивал к себе Ала через века и страны. Именно таким Ал представлял героя книги. Это был его Таранага, таким, каким он мечтал встретить его, с которым должен был подружиться. И еще, это был легендарный Токугава-но Иэясу, великий даймё, соратник и продолжатель дела Тайку.

Незнакомое «Токугава Иэясу» жгло губы, словно горячий напиток, который Ал почему-то должен был пить.

Хиромаци снял свои мечи и с величайшим почтением, медленно и торжественно, положил их перед собой. Встал на колени, коснувшись лбом пола. После чего Ал также бухнулся на пол, неловко кланяясь.

Краем глаза он увидел, что Хиромаци не поднял головы и застыл в той же позе. При этом он не обратил внимания на то, что японец прижал ладони к полу, его же руки были раскинуты точно крылья подраненной птицы, это вызвало легкую улыбку великого даймё.

Ал услышал добродушный голос Таранаги или Токугава-сан и, подняв голову, увидел, что то же самое делает и Хиромаци, – им предлагали подойти ближе к помосту. Ал осмотрелся. Комната была совершенно пустой и не такой огромной, как это было описано у Клавелла.

А действительно, с какой стати Таранаге или Токугава-сан, если Ал все же каким-то образом угодил не в книгу, а в древнюю Японию, принимать своего старого друга и не известного никому чужака в большом зале? Главный даймё страны не производил впечатления человека, любящего пускать пыль в глаза.

У дверей и у помоста дежурили самураи. Тем не менее, обменявшись парой фраз с господином, Хиромаци подобрал свои мечи и направился с ними к помосту, на свое обычное место.

Ал заметил около помоста даймё согбенную фигуру монаха, определив в нем переводчика, и, как только ему было разрешено говорить, потребовал, чтобы тот передал даймё, что Англия и Португалия находятся в состоянии войны, и поэтому Ал просит дать другого переводчика, так как считает, что отец Алвито будет неверно переводить его слова, намеренно искажая смысл.

Ал прекрасно помнил, как эта встреча проходила у Клавелла, и придумал свой вариант развития событий.

Он был вежлив, держался почтительно. Старался, по мере возможности, отвечать на вопросы хозяина Эдо.

Ал помнил, что в результате беседы Таранага должен был отправить его в тюрьму, Блэкторн там научился нескольким словам. Опыт был, нет слов, насколько полезным, но Ал не собирался повторять его.

Поэтому, заняв даймё описанием картины мира и разных стран, он добился того, что тот согласился оставить его и Уильяма Адамса в замке. С тем чтобы они могли нарисовать ему подробнейшие карты, с нанесением на них политических границ различных стран, а также отвечали на интересующие даймё вопросы.

И правда, зачем посылать полезного человека в тюрьму? По книге, Таранага сделал это, надеясь, что там Блэкторн будет в большей безопасности, нежели в замке. Он приставил к нему своих шпионов, которые должны были день и ночь охранять кормчего, притворяясь ждущими казни преступниками.

Реальный хозяин Эдо не собирался совершать подобной глупости. По стране ходил сифилис, завезенный португальцами. Подцепить который в тюрьме было плевым делом. Кроме этого, скудность тюремного питания, спертый воздух, до крайности стесненные условия, в которых люди поглощали пищу, тут же испражняясь под себя и блюя. Вши и блохи...

Нет, он не мог так рисковать здоровьем и жизнью человека, который в самое ближайшее время мог стать полезным ему. Что же касается обучения японскому языку, то в распоряжении даймё были не только переводчики-португальцы, которых недолюбливали оба варвара. Многие новообращенные японцы учились в семинариях и знали английский, португальский и латынь. Поэтому первые уроки японского Ал и Уильям получили в цивилизных условиях, чередуя занятия языком с вкусной едой и занятиями любовью с фрейлинами двора.

Глава 12

Истории для наследника Тайку

Истории могут быть хорошими и плохими, поучительными и скабрёзными. Самурай не боится слушать различные истории, но он не должен в них попадать.

Тода Хиромацу. Из сборника умных изречений, рекомендованных для воспитания юношей в самурайских семьях

Внутренний садик замка, куда самураи привели Блэкторна и Александра, представлял собой миниатюрный мир с чистыми реками, островами, горами и равнинами. Посреди небольшого озера в форме слезы на деревянном помосте располагалась ухоженная хижина. В хижине горели фонарики, свет которых проникал сквозь полупрозрачные седзи, отчего домик казался почти хрустальным.

Для освещения в то время употребляли масляные светильники и восковые свечи, но господин Токугава не любил, и это знали все в замке, открытого огня, предпочитая, чтобы его неровный свет приглушался стенками фонаря, которые можно было сделать матовыми или цветными.

Ал разглядел в глубине домика силуэт высокого, чинно сидящего мужчины и узнал в нем даймё. Рядом с ним хлопотали две женщины. Одна грузная и маленькая, а другая тоненькая и с высокой, по последней моде, причёской, из которой торчали шпильки.

Ал замедлил шаг, любуясь театром теней.

Садик явно просматривался со всех сторон охраной так, что на расстоянии, достаточном для метательного ножа, мышь не сумела бы протиснуться в эти райские кущи. Но вот для лука, мушкета или кремневого ружья тень даймё на седзи рисовой бумаги была мишенью – лучше не придумаешь. Хотя откуда во дворце такое оружие? Всех проверяют, шмонают, только что в задницу не заглядывают.

Около мостика, ведущего к хижине, сидели на пятках два самурая. Застывшие, с обнаженными мечами на коленях и фанатичными взглядами, они ни в какое сравнение не шли с нашими солдатушками. Те непременно трепались бы, без умолку травя байки и смоля папироски.

Ал и Уильям Адамс прошли по мосту, где Ал сразу же опустился на колени перед Токугава, а Адамс сел в позу лотоса, с устремленным черт знает на что взглядом и улыбкой идиота.

Услышав голос Токугава-но Иэясу, Ал несмело поднял голову и сразу же столкнулся с устремленными на него глазами сидящей рядом с даймё красавицей. Голубое кимоно с серебряными лотосами и журавлями необыкновенно шло прекрасной переводчице, чья хрупкая красота благодаря небесно-голубому свету казалась еще прозрачнее и тоньше. Неземная, волшебная, удивительная – Ал не мог подобрать эпитетов, при помощи которых можно было передать красоту Марико-сан.

Его Марико, той самой, к которой он шел долгие годы или века. Тода Марико – женщина-звезда, женщина, предназначенная для него точно так же, как он для нее.

Ал потупился, опасаясь выдать себя слишком откровенным взглядом и пряча свое вдруг расцветшее чувство дальше и глубже в сердце. Игра, затеянная им с Токугава-но Иэясу, еще не была выиграна. Даймё то шел навстречу, то отгораживался непрошибаемой стеной недоверия.

Да, после первой аудиенции в замке Ал чуть не умер, осознав, что перед ним не привычный по книге Таранага из рода Миновару, а настоящий, подлинный Токугава Иэясу, о котором он совершенно ничего не знал.

Выйдя от Токугава-сан, Ал шел за провожающими его самураями, еле переставляя ноги. В голове вращались шарниры, дыхание перехватывало.

«Я – не в книге! Не в романе! Я – в настоящей Японии, еще хуже – в Японии семнадцатого века!» – Он отер рукавом выступившую на лбу испарину. Ситуация была невозможной и одновременно она была реальной. До ужаса, до полной усрачки реальной! Ситуация, от которой хотелось орать во весь голос или биться головой о стены. В XVII веке кормчий Уильям Адамс попал в другую страну. Да, он застрял здесь навсегда, женился, наплодил детишек, служил, рвался на родину, умер. Это было ужасно, но одновременно с тем у кормчего Адамса просто так сложилось. На самом деле он мог покаяться перед иезуитами, и чисто теоретически те могли вывезти его в Европу. Мог вымолить разрешение на отъезд у Таранаги или его преемника – Сударе.

Алу было некого просить, не на кого надеяться, его время еще не настало, и даже если бы он и предпринял отчаянную попытку удрать из Японии на рыбацкой джонке, он не смог бы этого сделать. Куда удрать? Привычной ему России еще нет – одна тысяча семисотый год, Петербург не построен. Да и не его бы это был Петербург. Царь Петр, бородатое купечество, немцы и голландцы...

Ал чувствовал себя челноком в безбрежном океане, птицей, под крыльями которой простиралось бесконечное зеленоватое пространство воды и не было ни клочка земли, на которую можно было бы просто сесть и перевести дух.

Ужасная игра сделалась настолько схожей с реальностью, что Ал вдруг понял, что уже не выберется из нее. Не выберется, потому что не понимает правил этой самой игры, не поймет, где располагаются замаскированные двери, или потому что на самом деле никакой игры нет. Исчез призрачный Питер, растаял Невский проспект, исчезли Гражданка и Купчино. Нет больше Эрмитажа и Дома книги, нет гранитных набережных и Ростральных колонн, нет Новой Голландии, Сенной, нет метро и остановок троллейбусов и трамваев. Нет ни клочка асфальта, и только не управляемые еще людьми реки несут свои величественные волны сквозь леса и болота. Утки, зайцы, заросли вереска и багульника, камыш и топи, клюква и морошка...

И никого, никого из знакомых. Ни одного человека во всем мире, ни одного не то что близкого, а просто знакомого человека, лицо которого видел пару раз в метро и отчего-то запомнил. Пустота...

– Токугава-сан просил вам передать, что с этого дня я буду вашей переводчицей, если вы, конечно, не возражаете, – весело поклонилась ему красавица.

И Ал с удивлением вновь увидел, что он в крошечном ухоженном домике, а перед ним, на подушках, сидят: сам даймё Токугава Иэясу, полная дама и прекрасная переводчица.

– Мое имя Тода Марико, – подтвердила она догадку Ала.

– Почту за честь, госпожа Тода, – поклонился Ал.

– Можете называть меня Марико. – Она была очаровательна.

– Благодарю вас, Марико-сан.

– Мой господин спрашивает, откуда вы знаете наш язык и почему в момент задержания при вас был самурайский меч? – перевела Марико.

– О, это очень долгая история, и Токугава-сан, должно быть, она покажется скучной, – начал Ал заранее заготовленную фразу. Было приятно говорить на английском, а не подбирать японские слова.

Марико перевела и выслушала ответ Токугава-сан.

– Мой господин говорит, что он любит истории и у него много времени. Впрочем, если ему покажется, что ваша история действительно скучна, он остановит вас.

– Для того чтобы рассказать, как попал ко мне меч и почему я начал изучать японский язык, необходимо вернуться на двадцать четыре года назад. Тогда мне было двенадцать лет. Мой отец был купцом и имел свои корабли: «Мадонна», «Дева Мария» и «Бабочка», которые плавали в разных морях, умножая наше состояние.

Токугава остановил рассказ, о чем-то спрашивая Марику.

– Мой господин интересуется, неужели ваш отец мог позволить себе иметь целых три корабля?

Удача! Токугава попался в первую же ловушку, смастеренную для него Алом. В его голосе читались недоверие и легкая зависть. Геймер мысленно занес на свой счет одно очко. На самом деле перед Токугава-но Иэясу он мог назваться кем угодно, вплоть до принца крови. Но что бы это дало? Почти что наверняка его слова были бы подвержены сомнению, кто – зная, что его нельзя проверить – не постарается возвысить себя? Но, даже если ему и поверят, в Японии никакие его права все равно не имеют значения. Здесь он пленный, трофей, в лучшем случае гость. Кроме этого, Ал намеренно хотел оскорбить великого даймё, показав ему, что он – сын простого купца, имеет свой собственный, причем очень хороший, корабль. А его отец имел целых три, в то время как в Японии нет даже такого понятия, как флот.

– Для того чтобы успешно торговать, необходимо иметь несколько кораблей, – деловито сообщил Ал. – Так удобнее. – Он утвердительно кивнул головой. – К тому же отец нередко выступал посредником между разными купцами. Посредничество – прибыльное дело, если подходить к нему с умом и уважением к своим партнерам.

В огород Токугава-сан полетел второй камешек. Ал прекрасно знал, что Япония и Китай находятся в состоянии конфликта, тем не менее Япония не может обойтись без китайского шелка. Посредниками в торговле между Китаем и Японией выступали иезуиты, чей «черный корабль» ежегодно привозил в Японию груз драгоценного материала и уходил, набитый доверху золотыми и серебряными слитками. Александр хотел вызвать лежащую на поверхности ассоциацию и преуспел в этом.

– ...Но однажды все его три корабля, груженные пряностями и шелками, попали в жестокий шторм и затонули вместе с ним где-то у берегов Индии. После смерти отца я хотел наняться на какой-нибудь корабль юнгой или матросом, но это было непросто. Ко всему прочему, я и мой друг Уильям, – он тепло посмотрел на Адамса, ненавидя его при этом всей душой, – были приписаны к школе кормчих старого Альбана Карадока и должны были еще два года учиться, после чего тот обещал выправить нам бумаги и помочь наняться на какой-нибудь корабль.

Постоянно путаясь в именах кормчего, Ал пытался не сорваться и не назвать кормчего по-книжному – Блэкторном.

– Нужно было продержаться каких-нибудь два года. Но все наше имущество ушло в уплату отцовских долгов. Он же не мог один снарядить три корабля. Поэтому этот поход кроме отца финансировали еще два купца. Которые потом и забрали за долги почти все, что мы имели. Мать была вынуждена податься в прачки, я тоже не гнушался никакой работы. Вы же понимаете, мало того что мы должны были собрать денег на еду и какое-то жилье, нужно было лечить Уильяма. – Он снова посмотрел на Блэкторна с любовью и теплотой.

– Господин Токугава спрашивает, кто вам господин Уильям Адамс и давно ли он в таком состоянии?

– Уильям был сыном матроса с «Девы Марии», когда во время шторма того смыло за борт, отец взял мальчика к нам домой. «Ты должен относиться к Уильяму, как если бы он

был твоим братом. Любить его и защищать», – сказал отец. Нам с Уильямом тогда было по шесть лет.

Ал поднял глаза на Токугаву Иэясу, стараясь понять, удалось ли ему затронуть его за живое. Японцы XXI века, которых знал Ал, были сентиментальны, так, может, и их предки отличались ранимостью и чувствительностью?.. Лицо Токугава-сан оставалось непроницаемым, как маска сфинкса. Зато женщины разволновались.

– Отец добавил, что однажды, когда на «Деву Марию» напали пираты, отец Уильяма закрыл его собой. Поэтому мой отец чувствовал себя обязанным перед отцом Уильяма. Мы сразу же подружились и действительно стали словно братья. В девять лет мы оба поступили в школу кормчих и учились целый год, когда в наш город вдруг пришла страшная эпидемия. Я заболел и лежал без движения десять дней. Доктора сказали, что я не выживу. Мать день и ночь молила Бога, чтобы тот не забирал меня, а Уильям впал в странное оцепенение. Он сел у моей кровати, скрестив ноги, и часами смотрел в одну точку. Через десять дней я очнулся, а Уильям нет. Умирая, я чувствовал, как моя душа уносится куда-то через бесконечные лабиринты вниз, вниз, вниз, как вдруг появился светлый силуэт другого мальчика. Это был Уильям. Он дал мне руку и вывел к свету.

– Вы говорили, что болезнь постигла вас в десять лет, но вы уже учились в школе кормчих и собирались продолжать учебу после смерти отца? Вы говорили только о себе или о господине Адамсе тоже? – перевела вопрос толстой японки Марико. – Возможно ли, что он закончил школу, находясь в таком состоянии? Но если не закончил, то как он оказался на корабле?

– Дело в том, госпожа, что Уильям не постоянно находится в этом состоянии. В море он другой человек. Гений или ясновидящий. Он всегда знает, откуда подует ветер, может ориентироваться в кромешной тьме. Я думаю, что судьба, отобравшая от него его жизнь, одарила его даром быть лучшим кормчим, которого когда-либо знали земли и моря.

– Означает ли это, что он многим лучше вас? – Марико перевела вопрос Токугава-сан. Он казался очень заинтересованным.

– Да. – Ал потупился. – Безусловно, я – ничто по сравнению с Уильямом Адамсом. Но я горжусь, что имею возможность всякое плавание видеть его замечательное преображение! Он ведь без меня ни за что не пойдет в море.

Последняя фраза была необходимой добавкой. Мол, Адамс – гений, но не вздумайте делать ставку только на него – проиграете. Вам нужен Уильям Адамс – нет проблем, только взять его придется с приложением в виде меня – того, без кого легендарный кормчий не более чем овощ.

– Карма, – услышал Ал голос Токугава.

Геймер напрягся, силясь понять слова даймё, но сумел разобрать только: «Андзин-сан» и «карма».

Глава 13

Истории продолжают

*Мудрые говорят: хочешь узнать душу человека – заболей!
Хороший человек придет тебя проведать, плохой – нет.
Из изречений даймё Токугава-но Иэясу*

– Мой господин говорит, что карма наделила вашего друга редкостными способностями, когда он медитировал у вашей постели. В этой истории господин Токугава обратил внимание на то, что и вы в тот день получили необыкновенный подарок – лучшего кормчего, который будет работать на вас, и только на вас, как его отец работал на вашего отца. Карма.

– Да. Карма. И господин Токугава прав. Но на самом деле я получил и другой дивный дар. С тех пор я начал видеть чудесные сны; другие страны, незнакомых мне людей, узнавать их судьбы. Два года после болезни я видел во сне одну азиатскую страну, где бывал чаще, чем в других странах, – поспешил Ал придать себе недостающего веса. – Однажды я нанялся на работу в крепость, в которой служило множество японцев. Их называли ронины.

– В Европе много крепостей, где служат японцы? – перебил рассказ Токугава. Мариико перевела его слова, даже сымитировав оттенок голоса, чего ей прежде не удавалось.

– Да. В Европе во многих крепостях проходят обучение и служат японские воины. Я привязался к одному старому ронину, который признал в моих снах свою страну и начал учить меня японскому языку и владению самурайским мечом.

– Как его имя и из какого места он был родом? – спросил Токугава, и в этот раз Ал понял смысл его слов и сразу же ответил.

– Мой учитель не называл мне своего настоящего имени, так как считал, что недостойно носить его, поскольку не сумел спасти в бою своего *ондзина*⁸ и покрыл, таким образом, свое имя позором. Я понял только, что он был родом с какого-то маленького острова, на котором все люди говорят немного не так, как вы, Токугава-сан, поэтому я плохо понимаю вас, а вы меня.

Он замолк и почтительно дождался, когда Токугава позволил продолжить.

– Учитель сказал, что многое из того, что я видел во сне, было в истории Японии. И добавил, что мне нужно обязательно попасть в эту страну, где мои способности раскроются самым неожиданным образом. Он считал, что в прошлой жизни я был японцем, может быть даже самураем, и теперь моя душа летает ночью в Японию для того, чтобы сделать нечто, что я не сумел сделать в прошлом воплощении. Умирая, он отдал мне свой меч. И произнес вот такое стихотворение:

Я вижу сон во сне,
И в нем я вижу сон.
Как отраженье в отражение любитесь.
Но правды нет ни в сне,
Ни в сне о сне,
Ни в бреде, ни в луне, в отдельности.
Как капельки росы
На стеблях сочных трав
Сплетаются в узор таинственный,

⁸ *Ондзин* – господин на всю жизнь.

Так мы живем во сне
И сне о сне,
За гранью сна и слов,
Что шепчут призраки.

Я не могу повторить его стихотворение на японском, столько времени прошло, я перевел его на свой язык и так запомнил. (На самом деле тщательно подобранное стихотворение походило на предсмертное стихотворение Тайку.)

Кто я такой – лишь капля.
Недолг век мой, солнце сушит силы,
Как капля, я рожден, как капля, исчезаю.
Я пропаду – лишь замок мой докажет,
Что был когда-то я, как капля на листе.
Но было то, иль сон,
Иль сон об этом сне,
Не разберу перед разверстой бездной.

Токугава не мог не заметить сходства. А значит, появлялся еще один шанс заинтересовать его.

Даймё снова заговорил. Марико перевела:

– Господин Токугава хотел бы знать, помогло ли вашим способностям нахождение в Японии?

– Сны сделались более четкими и конкретными. Но у меня было мало возможности погружаться в мои ночные странствия, господин. – Ал улыбнулся. – Дело в том, что когда я голоден, опечален или изможден, я не сплю вообще или засыпаю и сплю как убитый без всяких снов.

– Чем именно вы занимались в крепости, в которой познакомились со своим учителем? – снова спросил Токугава.

– Обучал ронинов владению кремневыми ружьями и мушкетами, – выдохнул Ал, страшно довольный тем, что Токугава сам вывел его на эту тему.

– Для чего понадобилось обучать ронинов? – Голос Токугава-сан сделался жестче.

– Я не знаю, господин. Но современные войны ведутся современным оружием.

Токугава Иэясу возмущенно встал и какое-то время молчал, глядя перед собой. Затем он заговорил, разрезая голосом нависшую тишину, точно ножом. Марико затараторила вслед за ним, опустив лицо:

– Мой господин считает огнестрельное оружие самым предательским оружием на земле. Тем более когда его используют против вооруженного мечами и луками врага.

– Да. Огнестрельное оружие имеет явное преимущество перед мечами и луками. – Ал выдержал взгляд Токугава-сан. – Надеюсь, что пример, который я хотел бы привести, не покажется господину Токугава-сан излишне грубым. – Ал поклонился. – Этот домик светится изнутри, как фонарик. Любой легко различит тень на прозрачных стенах. Охрана видит каждый дюйм на расстоянии броска ножа. Тем не менее, если в замке найдется всего один человек с мушкетом и он расположится на балконе, который виднеется на западе, один выстрел, и...

Толстуха побледнела, а Токугава улыбнулся и сел на свое место.

– Что ж, вы правы, Андзин-сан. И вы очень смелый человек, если рискуете говорить такое, – перевела Марико слова даймё. – Мы продолжим начатый разговор. Но, прежде чем

отпустить вас, господин Токугава хотел бы спросить, можете ли вы предсказывать будущее других людей и, если «да», почему вы не сделали это вашей профессией?

– Для того чтобы зарабатывать деньги гаданием, нужно уметь гадать. Я же, хоть и вижу иногда возможное будущее человека, но это происходит почти помимо моего желания, я, как челн в море, который волны швыряют то вправо, то влево, и неизвестно, к какому берегу его, в конце концов, прибьет. Например, я не могу сказать, как зовут самураев, стерегущих мост, по которому я только что проходил. Что же касается моих снов, то я вижу в них людей, с которыми, возможно, никогда в жизни не встречусь...

В разговор снова вступила полная женщина, и Марико перевела:

– Госпожа Кирибуцу просит вас, если это возможно, рассказать какой-нибудь сон о Японии, который кажется вам интересным.

Глава 14 Тода Марико

Как следует правильно отрубать голову? Многие задаются этим вопросом.

Некоторые самураи считают, что отрубать голову нужно таким образом, чтобы она оставалась болтаться на кусочке кожи. Таким образом, голова не извывается в песок и не покатится в сторону присутствующих на сэппуку официальных лиц. Но лично я считаю, что правильнее, чтобы голова была отделена от тела полностью.

Из мудрых изречений господина Тода Хиромацу

– Боюсь, то, что я могу сообщить, прежде всего не понравится вам, госпожа. – Ал склонился перед прелестной переводчицей.

– Почему? – она подняла красивые брови.

– Я видел во сне вас.

Токугава о чем-то переспросил, Марико перевела ему слова Ала и затем, выслушав ответ, перевела сказанное:

– Господин Токугава хотел бы послушать, несмотря ни на что.

– А что думаете по этому поводу вы? Ведь это ваша жизнь? – Ал попытался заглянуть в глаза переводчицы, но в них не было ни страха, ни любопытства.

– Прошу вас выполнить то, что сказал Токугава-сан, – попросила она, поклонившись. – Моя жизнь всецело принадлежит ему.

– Я видел Марико-сан юной девушкой, на ее долю выпали жестокие испытания. Ее мать была добродетельнейшей из женщин. Она вела все хозяйство мужа, экономя и не позволяя ни себе, ни домочадцам ни малейших излишков, так как все деньги шли на содержание самураев мужа. И надо сказать, что его войско было образцовым и всегда больше, чем он был обязан поставить своему сюзерену в случае войны. Однажды уважаемый отец Марико-сан пригласил на обед своего даймё и военачальников, пообещав, что это будет настоящий пир. К сожалению, приглашая самого даймё, он не счел нужным уточнить: есть ли в семье деньги, необходимые для пира такого ранга. А денег не было. Тогда мать госпожи Марико-сан продала свои роскошные волосы, пожертвовав ими ради чести супруга. Вот, что я видел во сне. Одна Марико-сан сможет сказать, отражает ли этот сон реальность или нет.

Марико перевела все автоматически, с каменным лицом. После чего Токугава Иэясу попросил ее подтвердить или опровергнуть сказанное гостем.

В полной тишине Марико низко поклонилась Токугава-сан, выдохнув: «Хай!»

– Я не стану пускаться в подробности относительно дальнейшей жизни госпожи Марико. Скажу только, что все жизненные невзгоды она всегда принимала стоически, как истинный самурай.

По лицам Токугава-сан и Кирибуцу было видно, что они прекрасно осведомлены насчет судьбы своей переводчицы.

– Но сейчас вновь над госпожой Марико нависла рука судьбы. Ее муж... – Ал сделал выразительную паузу. – Он жесток, груб и неистов в гневе. Господин Токугава, – Ал приложил правую руку к груди. – Вы можете лишиться замечательного переводчика. Госпоже Марико следует развестись с мужем или хотя бы держаться от него подальше. Извините, если по незнанию допустил грубость или был неучтив.

Доводя Марико, не любившую обсуждать с посторонними семейные дела, Ал преследовал понятную ему цель. На самом деле, раздувая мнимую опасность, он хотел закричать

на весь осакский замок: «Господин Токугава, отдайте мне эту женщину ради всех богов! Потому что я, кажется, люблю ее, как никого не любил до этого».

После рассказа все какое-то время молчали, переваривая услышанное. Наконец Кирисан попросила Марико выяснить у гостя, всегда ли он видит одно только прошлое или ему случалось заглядывать в будущее?

– Я уже говорил, что почти не умею управлять своими видениями. К тому же, когда мне удастся заглянуть в судьбу незнакомого мне человека, очень трудно определить, что ты видишь – прошлое, настоящее или грядущее. Кроме того, до сих пор в основном мои сны были о Японии, в которую я попал лишь теперь.

Уже успокоившаяся и почти что вернувшая себе прежнее безмятежное расположение духа Марико перевела сказанное Токугава-сан и, выслушав новый вопрос, теперь уже от своего господина, перевела его Алу:

– Господин Токугава просил меня уточнить, действительно ли вы сказали «почти умею управлять видениями» или это обычная оговорка? Действительно ли вы можете по своему желанию узнавать будущее или прошлое людей?

– За то время, что я обладаю этим странным даром, я понял только одно. Если я нахожусь рядом с каким-то человеком и сочувствую ему, в решительный момент мне может прийти видение, в котором я увижу подстерегающую его опасность и могу попытаться отвести руку судьбы. Но это не всегда получается. На корабле у меня была книга, при помощи которой я мог достаточно быстро настраиваться на нужное мне состояние и получать ответ или подсказку. Но, к сожалению, ее отобрал у меня господин Касиги Оми. И теперь мои видения стали более чем беспорядочными. – Ал сокрушенно замотал головой.

– Я сейчас же отдам приказ, чтобы книгу разыскали и вернули, – грозно пробасил Токугава. – Эту книгу, как и все, что было на корабле, до последней крысы, должны были отправить ко мне. Как выглядела ваша книга?

Ал уловил суть вопроса и кивнул Марико, что перевод не нужен.

– О, господин. Нет смысла вдаваться в описание этого предмета, – улыбнулся Ал, – уверяю вас, что когда ваши люди найдут книгу, они сами поймут, что это – она.

– Странный ответ. И, должно быть, странная книга... – Токугава почесал голый подбородок. – На каком языке она написана?

– На языке московитов. Это далеко на севере, где торговал мой отец...

В воздухе повисло ожидание. Токугава чувствовал, что аудиенция непростительно затянулась, и одновременно с тем ему хотелось продлить удовольствие.

Он вежливо кивнул Марико, сказав несколько слов, и она ответила ему глубоким поклоном.

– Господин Токугава доволен беседой, он поблагодарил меня за помощь. И велел передать вам, что эта встреча не будет последней.

Глава 15

Сюрприз от кормчего

Кто сказал, что человек не может из простого крестьянина стать самураем и правителем? Если это сумел кто-то до тебя – подумай, чем ты хуже?

Если у тебя хватает смелости стремиться к большему – ты уже на Пути.

Из изречений Тайку

Жестокая и опасная игра велась вокруг трона покойного Тайку, черные тени его бывших друзей и придворных кружили по коридорам замка, шептались за полупрозрачными седзи из рисовой бумаги.

Черные тени живых, скрывающих за семистворчатым занавесом свои подлинные лица и души, не узнавали друг друга, нередко встречаясь с тенями давно или недавно умерших. Погибших в осакском замке и не могущих найти из него выхода.

Набитый до отказа тенями живых и мертвых, замок гудел, как улей, стонал, и эхо разносило все эти звуки. Ровный ритм шагов стражи приглушался мягкими татами, любовный шепот перемешивался с тихим шепотком шпионов, а экстатический крик с предсмертным криком.

Самое странное, что, несмотря на все это мельтешение, возню и кипение, нет-нет, где-то начинала звучать песня, сопровождаемая сямисеном, чьи струны извлекали нежные звуки, заставляющие воздух вибрировать от наслаждения, распространяя флюиды удовольствия на все покои замка.

Но передышка была недолгой.

* * *

Господин Исидо уже давно заготовил отчеты о расследовании дела об убийстве главного хранителя сокровищницы Тайку господина Омои, а также двух его военачальников. Как говорил покойный Тайку, в деле составления отчетов Исидо-сан не знает равных. Теперь же комендант замка и член Совета регентов превзошел сам себя, добившись высочайшего уровня в этом непростом искусстве.

Из его отчетов господин Токугава мог получить массу наиважнейших, но на поверку не стоящих ровным счетом ничего деталей.

Сыщики Исидо-сан действительно работали не покладая рук, и его личный талант писателя и стратега еще больше возрос за время расследования этого и других произошедших в последние дни преступлений.

Но мало того, что все бумажки были на месте и собраны в рекордно короткий срок. Для предъявления главному даймё Токугава-но Изясу у Исидо были даже заготовлены виновные, сознавшиеся в преступлениях убийцы, которых господин Токугава мог, по собственному усмотрению, казнить на любой, понравившийся ему манер.

То есть у Токугава не было ничего, а у Исидо – все. Исидо убивал друзей и союзников своего врага, а теперь Токугава-сан оставалось только обрушить свою ярость на головы ни в чем не повинных смертников.

«Так делает ребенок, который не может нагрубить старшему. Желая унять свой гнев, он бьет игрушки. – Исидо усмехнулся про себя, поглаживая фигурки шахматной партии „Серые против коричневых“. – Скоро все узнают, что грозный Токугава – не более чем сопливый

младенец. Еще несколько таких же успешных ходов, и Токугава Иэясу будет вынужден сделать сэшку, а я почти за честь помочь ему в этом».

В этот день у Исидо было замечательное настроение. В спальне его ждало два мальчика, с которыми он желал разделить ложе и, может быть даже к утру, испробовать на них машинку для разбивания пальцев, привезенную в последний приезд черного корабля из Испании.

* * *

В осакском замке Алу и Уильяму были предоставлены расположенные рядом смежные комнаты. С тех пор как кормчего стали хорошо кормить и за ним начал присматривать личный лекарь Токугава-сан, сознание все чаще навещало Уильяма Адамса.

Это не могло не радовать Александра, который старался пользоваться минимальными проблесками здравого ума кормчего для того, чтобы получить у него информацию, которую в дальнейшем можно было передать Токугава-сан.

К великой радости Ала, Джон Блэкторн, как невольно продолжал называть его Александр, по-прежнему испытывал панический ужас при одном упоминании о самураях, так что Ал мог на законных основаниях взять на себя роль министра внешних отношений, не беспокоясь о том, что в какой-то момент кормчий может взбунтоваться и отправиться на переговоры сам.

Блэкторн поправился и даже умудрился нагулять жирок, в хорошие моменты, когда сознание возвращалось к нему, он любил лежать на подушках, поедая принесенные ему яства и запивая великолепным sake.

Странно, находясь на экскурсии в Японии XXI века, Александр не понял вкуса рисовой водки, а теперь выпивка даже нравилась ему. Возможно, причиной этой перемены были придворные дамы, которые подливали в крохотные чашечки sake, улыбаясь и бросая на Ала томные взгляды.

Любую из этих красоток он мог запросто оставить у себя на ночь, и та не сопротивлялась бы, так как это входило в круг ее профессиональных обязанностей. Служившие при замке женщины все поголовно были из рода самураев, а самураи знали, что такое долг. Долгом же называлось беспрекословное подчинение своему сюзеру. А сюзерен повелел обслуживать иностранцев...

Ал заметил, что, люто ненавидя иезуитов и страшась самураев, кормчий с радостью и учтивостью придворного обращается с прислуживающими ему женщинами, с двумя из которых он уже имел постельные отношения и, по всей видимости, собирался продолжать в том же духе.

Находясь в здравом уме и твердой памяти, Блэкторн или Адамс, черт его знает, как теперь это будет звучать правильно, мог отвечать на любые вопросы касательно истории, судоходства или военного дела. Это был настоящий клад информации. Подобно многим людям своего времени, кормчий бегло говорил на латыни, португальском, испанском, английском и, естественно, родном голландском языке. А также немного знал немецкий. Он обладал потрясающей зрительной памятью и мог достаточно четко нарисовать карту мира, причем как политическую, так и географическую. Что было необходимо Токугава-сан. Он хорошо знал арифметику и мог довольно быстро рассчитать сложное математическое уравнение.

Правда, его почти невозможно было вытащить с собой на прогулки, под страхом смерти он не желал покидать свою комнату, предпочитая лежать, наслаждаясь вкусной едой и приятной компанией.

Геймер прожил около месяца в замке и передал Токугава-сан сведения, полученные частично от Уильяма Адамса и частично заимствованные из мудрой книги, которую Алу вернули в целости и сохранности.

Меж тем он начал замечать, что в поведении кормчего наметились новые странности. Так, если, находясь в здравом уме, Адамс осторожничал настолько, что отказывался покидать отведенную ему комнату, то, впадая в безумие, он из этой комнаты норовил не просто выйти, а сделать это по возможности незаметнее. Причем самое странное, что ему это удавалось. Подобно ниндзя, ночью кормчий обматывал голову подвернувшейся под руку тряпкой или полотенцем и исчезал из отведенных ему покоев.

При этом ни стража, ни прислуга ничего не знали о ночных странствиях пленника Токугава. Каким-то непостижимым образом кормчему удавалось исчезнуть из своей комнаты, обманув внимание стражников.

Из совершаемых им походов Адамс норовил притащить Алу какое-нибудь доказательство успешности последних.

Так, однажды он положил перед Алом красный цветок, какие росли только во внутреннем садике коменданта замка господина Исидо. Садик охраняли пять десятков отборнейших самураев, и Алу стоило немалых трудов объяснить дотошной прислуге его появление в своей комнате.

Пришлось сказать, что магнолию принесла в клюве маленькая птичка. В другой раз Адамс притащил купальный халат господина Токугава. Но чаще это были вещи, украденные в кухне, бане, казарме, или это была мелочевка, которую Блэкторн мог тырить у видящих десятые сны служанок.

Но однажды трофей, принесенный безумным кормчим, поверг Ала в состояние, близкое к истерике. В то утро Адамс разбудил его ни свет ни заря, положив на одеяло, которым покрывался Ал, сверток шелка.

– Черт бы тебя побрал, кормчий! Что это такое? – Ал лениво выпростал руку из-под одеяла и потрогал принесенный ему дар. В ту же секунду его пробил пот, сна как не бывало.

Перед Алом на постели лежал запеленатый в немыслимо дорогой шелк младенец.

– Что за дела, Блэкторн? Откуда ты его взял! – зашипел Ал, стараясь производить как можно меньше шума. По взаимной договоренности, с глазу на глаз он называл Адамса Джоном Блэкторном. Это имя было чем-то вроде пароля, о котором не знал никто в замке, и в то же время это была связь с книгой, с игрой, с мечтой о Японии.

Вместо ответа кормчий блаженно улыбнулся и сел у стены, скрестив ноги в позе лотоса. На его лице блуждала идиотская улыбка.

Ал взял на руки младенца. Он не очень-то хорошо разбирался в детях. На вид этому было несколько месяцев. Большие карие глаза смотрели на него с озорством и неподдельным интересом. Пухленький ротик двигался, носик был крошечным и курносым.

«Во попал!» – сказал сам себе Ал и начал распеленывать ребенка. Он понятия не имел, как объяснит, что тот делает в его комнате.

– Зачем ты украл его, поганец? – обратился он к счастливой физиономии кормчего. – Украл и, пожалуй, убил кого-то. Хорошо если кормилицу или служанку, это еще простят, но что если мать?! И, судя по дороговизне пеленок, мать не из простых людей... О боже! Что я скажу Токугава-сан?

Он развернул пеленки и убедился, что имеет дело с мальчиком.

Не помня себя от ужаса и все еще не зная, что говорить и что делать, Ал снова запеленал ребенка, но таким образом, чтобы два края пеленки можно было расположить подобно ручке от сумки.

Приспособив свою ношу на плече, он вышел с нею в коридор. Дежурившие там самураи приветствовали Ала дружелюбными улыбками и поклонами.

Без сомнения, они видели сверток, но не поняли, что такое тащит гость. А впрочем, их ли это дело?..

Ал спустился на кухню, где уже хлопотала прислуга, и, подозвав к себе одну из женщин, небрежно положил ей на руки малыша.

– *Анатано намае нан дес ка?* Как твое имя?

– *Эрика дес*, – поклонилась баба.

– *Кодомо онака суета. Вакаримас ка? Исогу.* Ребенок голоден. Поняла? Быстро.

Он выразительно приложил палец к губам, приказывая бабе молчать и, для пущей острастки, сверкая на нее глазами.

Та закивала, обливаясь потом.

– *Эрика сан. Коре-ва ваташи-но сан!* Это мой сын!

– *Хай! Вакаримаста!* – поклонилась японка, сделав серьезное лицо.

– *Химицу!* Тайна!

Ал жалел, что у него не хватает слов для того, чтобы подчеркнуть, что он желает, чтобы это дело осталось в строжайшей тайне и что Эрика должна оставить малыша у себя, но он только еще раз приложил палец к губам и медленно и чинно поднялся к себе, оставив женщину с ребенком на руках.

Весь день Ал ожидал вызова к Токугава-сан или вопросов от Марико, но все прошло благополучно: то ли Эрика действительно умудрилась скрыть от других появление у себя младенца, то ли хозяева знали о ребенке, но почему-то помалкивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.